18+

ГЕРМАН СИРИЛ МАКНЕЙЛ

Черная банда

Герман Макнейл

Черная банда. Серия «Мир детектива»

«Издательские решения»

Макнейл Г. С.

Черная банда. Серия «Мир детектива» / Г. С. Макнейл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592011-9

Первая мировая война закончилась, но военные действия продолжается. Вернувшись домой, капитан Хью Драммонд, по прозвищу «Бульдог» обнаруживает, что в Англии процветают коррупционеры и шантажисты. Чтобы все исправить он организует Черную банду, с помощью которой планирует добраться до идейного вдохновителя и главного противника Карла Питерсона.Все идет по плану до тех пор, пока Драммонд не принимает приглашение на чай от американского священника.Второй роман в серии о Бульдоге Драммонде.

ISBN 978-5-00-592011-9

© Макнейл Г. С.
© Издательские решения

Содержание

Серия «Мир детектива» 6
Черная банда 7
Глава 1, в которой возле Баркинг крик происходят события 7
Глава 2, в которой Скотленд ярд оживляется и обращает внимание 14
Глава 3, в которой Хью Драммонд сочиняет письмо 24
Глава 4, в которой граф Задова испытывает шок 27
Глава 5, в которой Чарлз Лэттер, член парламента, сходит с ума 33
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Черная банда
Серия «Мир детектива»

Герман Сирил Макнейл

Переводчик Алексей Астапенков

© Герман Сирил Макнейл, 2022
© Алексей Астапенков, перевод, 2022

ISBN 978-5-0059-2011-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия «Мир детектива»

Вышли:

Хьюм Ф. Человек в рыжем парике
Смолл О. Дж. Образцовая загадка
Фримен Р. Остин. Тайна Анджелины Фруд
Хрущов-Сокольников Г. Джек – таинственный убийца: большой роман из англо-русской жизни
Мейсон А. Э. В. Дело в отеле «Семирамида». Бегущая вода
Александров В. Медуза
Панов С. Убийство в деревне Медведице. Полное собрание сочинений С. Панова
Мейсон А. Э. В. Страшнее тигра
Детектив на сцене. Пьесы о Шерлоке Холмсе
Мейсон А. Э. В. Часы и дилеммы
Мари Ж. Ошибка доктора Маделора
Гейнце Н. Под гипнозом
Лабурье Т. Черная банда
Ракшанин Н. Тайна Кузнецкого Моста
фон Перфаль А. Месть десперадо. Эпизод из жизни Хоакино Мурьеты
Бело А. Королева красоты
Хрущов-Сокольников Г. Рубцов

Черная банда

Глава 1, в которой возле Баркинг крик происходят события

Ветер уныло завывал вокруг дома, одиноко высившегося возле самого берега Баркинг крик[1]. Стояли серые сумерки раннего осеннего дня, и только случайные крики чаек, резкими нотами перекрывающие шум ветра, нарушали покой плоской, безлюдной пустоши.

Дом казался заброшенным. Окна были закрыты ставнями; сад неухожен и зарос сорняками; калитка, ведущая на дорогу, очевидно, нуждавшаяся в новой верхней петле, пьяно опиралась на нечто, некогда бывшее цветочной клумбой. Несколько мрачных деревьев, уныло раскачивающихся на ветру, окружали дом и завершали картину, которая заставила бы даже наименее одаренного воображением человека поплотнее запахнуть пальто и почувствовать благодарность, что ему не суждено обитать в таком месте.

Но путники не подходили к дому достаточно близко, чтобы осознать, как зловеще он выглядит. Дорога, проходившая мимо ворот – немногим лучше тележной колеи, – шла в стороне от проторенной дороги; только случайный рыбак или фермерский рабочий изредка проходил по ней, и обычно это происходило днем, когда все воспринимается в надлежащей пропорции, так что перед прохожими представал просто пустой дом, постепенно разваливающийся из-за недостатка внимания. Ночью они по возможности избегали его; поговаривали, что двенадцать лет назад какой-то любопытный исследователь нашел на полу в одной из комнат наверху скелет на заплесневелой веревке, прикрепленной к балке на потолке. А потом дом пустовал двадцать лет.

Даже сейчас, когда ветер дул с востока или северо-востока и начинался прилив, находились те, кто утверждал, что в той комнате наверху сквозь щели в ставнях можно увидеть свет, и тот, кто поднимется наверх, увидит не скелет, а покачивающееся туда-сюда тело с багровой физиономией и вытаращенными глазами, подвешенное за шею к балке на веревку без малейших следов плесени. Нелепость, конечно; но таковы многие местные суеверия. В некоторых случаях это даже полезно: они обеспечивают свободу от назойливого внимания местных сплетников гораздо дешевле и эффективнее, чем высокие стены, засовы и решетки.

Вероятно, так и полагал один из двух мужчин, которые быстро шли по неровной дороге.

– Восхитительно, – заметил он, остановившись на мгновение у начала заросшей сорняками дороги. – Вполне достойно восхищения, мой друг. Дом, расположенный таким образом, – хорошее приобретение, а когда в нем вдобавок водятся привидения, он становится просто даром небес.

Он прекрасно говорил по-английски с легким иностранным акцентом; его спутник резко кивнул.

– Исходя из того, что мне сказали, я решил, что нам он подойдет, – ответил он. – В моем мнении это – проклятое место, но, поскольку вы были настроены против приезда в Лондон, пришлось искать что-нибудь в этом районе.

Двое мужчин медленно зашагали по дорожке к дому. Ветви, с которых капала влага, чиркали их по лицам, и они невольно подняли воротники своих пальто.

– Я объясню причины для этого в свое время, – коротко сказал первый. – Можете поверить мне, они вполне основательные. Что это?

Он резко обернулся, негромко ахнув, и схватил своего спутника за руку.

---

[1] Ручей у города Баркинг, являющегося одним из восточных районов Лондона.

– Ничего, – раздраженно отозвался тот. Минуту или две они стояли неподвижно, вглядываясь в темные садовые заросли. – Что, по вашему мнению, это было?

– Мне показалось, куст трещал, как будто… как будто кто-то там двигался, – сказал иностранец, ослабляя хватку. – Должно быть, ветер.

Он продолжал испуганно вглядываться в мрачный сад, пока другой мужчина не потащил его довольно грубо к дому.

– Конечно, ветер, – сердито пробормотал он. – Ради всего святого, Заболев, не нервничайте. Если вы настаиваете на приезде в такое адское место только для того, чтобы провернуть небольшое совершенно обычное дельце, вы должны ожидать, что услышите несколько странных звуков и шумов. Зайдем в дом; остальные должны быть уже здесь. Дело не должно занять больше часа, и задолго до рассвета вы снова окажетесь на борту.

Человек, которого назвали Заболевым, перестал оглядываться через плечо и последовал за спутником через сломанные решетчатые ворота к задней части дома. Они остановились перед задней дверью, и шедший впереди постучал в нее три раза особым образом. Очевидно, это был заранее условленный сигнал, и почти сразу же послышались крадущиеся шаги. Дверь осторожно приоткрылась на несколько дюймов, из-за нее выглянул мужчина и со слабым вздохом облегчения широко распахнул ее.

– Это вы, мистер Уолдок, не так ли? – пробормотал он. – Рад, что вы наконец добрались сюда. Это место нам всем марашки по спене пускает.

– Добрый вечер, Джим. – Уолдок вошел, за ним последовал Заболев, и дверь за ними закрылась. – Лодка нашего друга немного опоздала. Все здесь?

– Да, – последовал ответ. – Все шестеро. И я щитаю, что мы хотим покончить с этим как можно скорее. Он… – его голос понизился до хриплого шепота, – он принес деньги?

– Все узнаешь в свое время, – коротко сказал Уолдок. – В какой комнате?

– Сюда, начальник. – Джим распахнул дверь. – И придется сесть на пол, со стульев навернуцца можна.

На квадратном столе в центре комнаты оплывали две свечи, освещая лица пятерых мужчин, сидевших на полу вдоль стен. Трое из них были ничем не примечательными представителями человечества того типа, тысячи которых можно увидеть на утренних поездах спешащими к началу рабочего дня в Сити. Они принадлежали к числу наиболее бедных клерков, чьи пальцы ярко-оранжевые от сигарет «вудбайн» и которые на матче в субботу днем выкрикивают оскорбления футбольному судье. И все же внимательный наблюдатель мог бы прочесть на их лицах нечто большее: жадный, голодный взгляд неспокойных, лукавых глаз – взгляд тех, кто завидует всем, находящимся в лучшем положении, чем они сами, но кто неспособен попытаться улучшить свое собственное положение, кроме как сомнительным способом вернуть своих более удачливых знакомых; взгляд маленьких людишек, недовольных не столько собственной незначительностью, сколько величием других. Трио людей с неприятными лицами и тем минимальным образованием, которое является действительно опасной вещью; трое клерков мистера Уолдока.

Двое других были евреи, броско одетые и с явным пристрастием к дешевым украшениям. Они сидели поодаль от остальных троих, беседуя вполголоса, но, когда дверь открылась, резко оборвали разговор и посмотрели на вновь прибывших острыми, испытующими взглядами своей расы. На Уолдока они едва взглянули, а вот незнакомец Заболев приковал их внимание. Они изучили каждую деталь его проницательного иностранного лица – оливковую кожу, темные, пронзительные глаза, остроконечную бородку; они оценивали его, как боксер оценивает своего противника или бизнесмен прикидывает, с какого калибра партнером ему предстоит заключить сделку; затем снова заговорили друг с другом на низких тонах едва громче шепота.

Именно Джим нарушил молчание – Флэш Джим, если уж называть его полным именем, на которое он откликался в местах, где часто бывал.

– Можа, начнем, началник? – заметил он, пытаясь изобразить добродушную улыбку. – Это не то место, что я бы выбрал для чертова медового месяца.

Резким жестом Уолдок заставил его замолчать и подошел к столу.

– Это мистер Заболев, джентльмены, – тихо сказал он. – Боюсь, мы немного опоздали, но это было неизбежно. Сейчас он объяснит вам причину, по которой вас попросили приехать сюда вместо того, чтобы встретиться на нашем обычном рандеву в Сохо.

Он отступил на пару шагов, и Заболев занял его место. Мгновение или два он оглядывал выжидательно повернутые к нему лица; затем, положив обе руки на стол перед собой, наклонился к ним.

– Джентльмены, – начал он, и его иностранный акцент показался немного более заметным, – я попросил вас прийти сюда сегодня вечером через моего хорошего друга, мистера Уолдока, потому что до наших ушей дошло – не важно, как, – что Лондон больше не является безопасным местом для встреч. За недавнее время произошли два или три события, значение которых невозможно игнорировать.

– Какие события? – встрял Флэш Джим.

– Я как раз собирался вам сказать, – учтиво заметил говоривший, и Флэш Джим смущенно умолк. – Наш шеф, с которым я провел вчерашний вечер, серьезно обеспокоен.

– Вы провели вечер с шефом? – спросил Уолдок, и в его голосе послышалась дрожь возбуждения, в то время как остальные нетерпеливо подались вперед. – Значит, он в Голландии?

– Был там вчера в шесть часов вечера, – ответил Заболев с легкой улыбкой. – Сегодня – сейчас – я знаю, где он, не больше, чем вы.

– Кто он, этот человек, о котором мы все время слышим, но которого никогда не видим? – требовательно спросил один из трех клерков.

– Он – шеф, – ответил русский, в то время как его глаза, казалось, сверлили мозг говорившего. – Только это – и ничего больше. И этого для вас вполне достаточно. – Его взгляд прошелся по комнате, и аудитория расслабилась. – Кстати, разве там не щель в ставне?

– Тем безопаснее, – проворчал Флэш Джим. – Любой проходящий мимо подумает, шо по дому ходит призрак.

– Тем не менее, будьте любезны, прикройте ее, – приказал Заболев. Один из евреев встал и сунул в щель свой носовой платок. Пока он это делал, в комнате воцарилась тишина, нарушаемая только скорбным уханьем совы снаружи.

– Совы – единственное, шо можно найти в этом треклятом музее, – мрачно сказал Флэш Джим. – Сов и таких дурней, как мы.

– Помолчи, Джим, – яростно прорычал Уолдок. – Можно подумать, тебе нужна нянечка.

– Джентльмены, прошу вас. – Заболев протестующе поднял руку. – Мы не хотим затягивать дело, но кое-какие объяснения необходимы. Итак, вернемся к недавним событиям, потребовавшим нового места для встречи в этот вечер – которое наш друг мистер Уолдок любезно нашел для нас. Три посланника, отправленные в течение последних трех недель с инструкциями и – что более важно – деньгами, исчезли.

– Исчезли? – глупо повторил Уолдок.

– Абсолютно и бесследно. Вместе с деньгами. Еще двое подверглись отвратительному жестокому обращению, у них отобрали деньги, но по какой-то причине им позволили уйти. От них мы обо всем и узнали.

– Черт возьми! – пробормотал Флэш Джим. – Это полиция?

– Это не полиция, что делает ситуацию намного серьезнее, – тихо ответил Заболев, и Флэш Джим вздохнул с облегчением. – Легко действовать, соблюдая закон, но, если наша информация верна, мы имеем дело с группой людей, которые сами находятся вне закона. Они

абсолютно беспринципны и совершенно безжалостны; и, похоже, знают наши тайные планы так же хорошо, как мы сами. Трудность в том, джентльмены, что, хотя с юридической точки зрения, благодаря абсурдному законодательству в этой стране мы сами можем оставаться в рамках закона, тем не менее не в состоянии обратиться в полицию за защитой. Наша деятельность, хотя и не запрещена официально, вряд ли понравится даже английским властям. И в данном случае это особенно верно. Возможно, вы помните, что роль, которую я сыграл в разжигании кровопролития в Кауденхите несколько месяцев назад под именем МакТэвиша, привела к моей депортации. Так что, хотя наше дело законно, мое присутствие в этой стране – нет. Вот почему сегодня вечером было особенно важно, чтобы нас не побеспокоили. Мало того, что мы противостоим этой неизвестной банде людей, но я, вдобавок, должен скрываться от полиции.

– У вас есть какая-нибудь информация об этой банде? – Это спросил еврей, который закрыл щель в ставнях, заговорив в первый раз.

– Ничего полезного – кроме того, что они в черных масках и закутаны в длинные черные плащи. – Он на мгновение замолчал, словно собираясь с мыслями. – Они все вооружены, и Петрович – один из тех, кому позволили уйти – настаивает на одном пункте. Это касается главаря банды, который, как он утверждал, является человеком гигантской физической силы; гигант, могучий, как два обычных сильных человека. Он сказал:… Ах! Mein Gott!..

Он отпрянул, и его голос поднялся до крика, в то время как остальные с ужасом на лицах поспешно поднялись со своих мест на полу и сгрудились в углах комнаты.

В дверях стоял огромный мужчина, с головы до ног облаченный в черное. В каждой руке он держал по револьверу и с их помощью контролировал восьмерых находящихся в комнате людей в течение секунды или двух, потребовавшихся для того, чтобы полдюжины людей в такой же одежде прошли мимо него и заняли позиции у стен. Уолдок, немного более образованный, чем остальные его друзья, поймал себя на том, что ему в голову приходят старые истории об испанской инквизиции и венецианских дожах; сам он придвинулся немного ближе к столу.

– Все встаньте у стола.

Человек у двери произнес это странно низким голосом, и, как овцы, они повиновались ему – все, кроме Флэша Джима. Ибо этот достойный мошенник был не лишен смелости. Он знал, что с полицией лучше не валять дурака, но это была не полиция.

– Что за… – прорычал он, но больше ничего не успел сказать. Его ударили сзади по голове, тысячи звезд заплясали у него перед глазами, и со сдавленным стоном он рухнул лицом вперед.

На минуту или две воцарилась тишина, затем снова заговорил человек у двери.

– Расположите образцы в ряд.

Через секунду семеро оставшихся мужчин были выстроены в шеренгу, а за ними застыли шесть неподвижных черных фигур. Крупный мужчина медленно подошел к ним, вглядываясь в лицо каждого. Он не произнес ни слова, пока не дошел до конца очереди, затем, закончив осмотр, отступил назад и прислонился к стене лицом к ним.

– Тошнотворная коллекция, – задумчиво заметил он. – Отвратительный выводок. Что это за три недоросших дрожащих насекомых справа?

– Это трое моих клерков, – сердито сказал Уолдок с напускной бравадой. – И я хотел бы знать…

– В свое время узнаете, – ответил низкий голос. – Трое ваших клерков, вот как; проникнуты вашими гнилыми идеями, я полагаю, и жаждут пойти по стопам отца? У нас есть что-то конкретное против них?

От людей в масках не последовало ответа, и предводитель сделал знак. Мгновенно трех перепуганных клерков схватили сзади и подвели к нему, где они встали, трясясь всем телом.

– Послушайте меня, вы, три маленьких червяка. – С усилием они взяли себя в руки; луч надежды забрезжил в них – возможно, их сейчас просто отпустят. – Мне и моим друзьям не нравитесь вы и люди вашего типа. Вы встречаетесь в тайных местах, и придумываете вашими скользкими умами грязные схемы, которые, каким бы невероятным это ни казалось, до сих пор имели более чем достаточный успех в этой стране. Но главное для вас – не схемы, а деньги, которые вам платят за их осуществление. Это ваше первое и последнее предупреждение. В другой раз с вами обойдутся по-другому. Убирайтесь отсюда. И не останавливайтесь по дороге.

Дверь закрылась за ними и двумя мужчинами в масках; послышался звук, напоминающий умелый и сильный удар сапогом, и крики боли; затем дверь снова открылась, и люди в масках вернулись.

– Они ушли, – объявил один из них. – Мы помогли им выйти из дома.

– Хорошо, – сказал предводитель. – Продолжим осмотр. Кто эти два еврея?

Мужчина, стоявший сзади, шагнул вперед и медленно оглядел их, затем подошел к предводителю и прошептал ему на ухо.

– Вот как? – В глубокий голос вкралась новая и ужасная нотка. – Мне и моим друзьям не нравится ваше ремесло, свиньи. Хорошо, что мы пришли с необходимым оборудованием для такого случая. Принесите кошку.

В тишине один из мужчин вышел из комнаты; когда смысл этих слов дошел до двух евреев, они бросились на пол, униженно моля о пощаде.

– Заткните им рот. – Приказ прозвучал четко и ясно, и в одно мгновение двое извивающихся мужчин были схвачены и их рты заткнуты кляпами. Только закатившиеся глаза и дрожащие руки выдавали ужас, который они испытывали, ползя на коленях к бесстрастному предводителю.

– Кошка по закону используется в случаях такого рода, – заметил он. – Мы просто предвосхищаем закон.

С новым взрывом стонов два еврея наблюдали, как открылась дверь и вошла неумолимая черная фигура, держа в руке короткую палку, с которой свисали девять плетей.

– Боже мой! – выдохнул Уолдок, бросаясь вперед. – Что вы собираетесь делать?

– Пороть их до полусмерти, – произнес низкий голос. – Это наказание за их способ существования. Пятый и шестой – беритесь за дело. После того, как закончите, уберите их в машину номер 3 и вывезите в Лондон.

Бессильно сопротивлявшихся евреев увели, а предводитель перешел к оставшимся двум мужчинам.

– Итак, Заболев, ты все-таки приехал. Неразумно, конечно, с точки зрения полиции?

– Кто вы? – пробормотал Заболев, его губы дрожали.

– Охотник за образцами, – учтиво ответил неизвестный. – Я создаю коллекцию из таких людей, как ты. Полиция нашей страны чрезмерно добра к вашей породе, хотя они не были бы добры к тебе сегодня вечером, Заболев, если бы я не вмешался. Но я не мог позволить им заполучить тебя; ты – отборный экземпляр. Но мне сдаётся, ты плохо проработал свой быстрый визит. Конечно, я знал о нем, но, должен признаться, удивился, обнаружив, что полиция тоже знала.

– Что вы имеете в виду? – хрипло вопросил тот.

– Я имею в виду, что, когда мы прибыли сюда, к своему удивлению, обнаружили, что полиция опередила нас. Сегодня вечером этот дом необычайно популярен.

– Полиция! – ошеломленно пробормотал Уолдок.

– Вот так – во главе с никем иным, как инспектором МакАйвером. Они полностью окружили дом, что вызвало небольшие изменения в моих планах.

– Где они сейчас? – вскричал Уолдок.

– Ах! Действительно, где? Давайте, во всяком случае, будем надеяться, в комфортных условиях.

– Клянусь небом! – сказал Заболев, делая шаг вперед. – Как я уже спрашивал вас раньше – кто вы?

– И, как я уже говорил тебе раньше, Заболев, коллекционер образцов. Некоторые я оставляю себе, других отпускаю – как ты уже видел.

– И что вы собираетесь со мной делать?

– Придержать. На сегодняшний день ты – венец моей коллекции.

– Вы работаете с полицией? – ошеломленно спросил русский.

– До сегодняшнего вечера у нас не было столкновений. Даже сегодня вечером – ну, я думаю, мы работаем в одном направлении. И ты знаешь, что ждет в конце, Заболев? – Низкий голос стал немного суровее. – Полное, окончательное свержение тебя и всего, за что ты выступаешь. В достижении этой цели мы не проявим милосердия. Даже если вы работаете скрытно – мы тоже. Вы уже напуганы; мы уже получили доказательства, что вы боитесь неизвестных больше, чем полиции; уже первые несколько взяток наши. Но у тебя еще есть туз, Заболев – или, скажем, козырной король? И когда мы поймаем его, ты перестанешь быть венцом моей коллекции. Этот ваш шеф – я полагаю, именно то, что сказал ему Петрович, заставило его послать тебя сюда.

– Я отказываюсь говорить, – сказал русский.

– И не нужно, все очевидно. И теперь, когда ты пойман – он придет сам. Возможно, не сразу – но придет. И затем… Но мы теряем время. Деньги, Заболев.

– У меня нет денег, – прорычал тот.

– Ты лжешь, Заболев. Ты лжешь неуклюже. У тебя довольно много денег, привезенных для Уолдока, чтобы он мог продолжить работу после того, как ты отплывешь завтра. Быстрее, пожалуйста, время идет.

С проклятием Заболев достал небольшую холщовую сумку и протянул ее. Мужчина взял ее и заглянул внутрь.

– Вижу, – сказал он серьезно. – Жемчуг и драгоценные камни. Принадлежавшие некогда, я полагаю, убитой благородной женщине, чье единственное преступление состояло в том, что она, не совершив для этого ничего сама, родилась не в том слое общества, нежели ты. И ты, рептилия, – его голос немного повысился, – ты сделал это здесь.

Заболев отпрянул, а тот презрительно рассмеялся.

– Обыщите его – и Уолдока тоже.

Двое мужчин быстро шагнули вперед.

– Больше ничего, – сказали они через некоторое время. – Кроме этого клочка бумаги.

Со стороны Заболева последовало внезапное движение – мгновенно подавленное, недостаточно быстрое.

– Неблагоразумно, – тихо сказал предводитель. – Лучше пользоваться памятью. Адрес, я вижу, номер 5, Грин стрит, Хокстон. Приятный район, с которым я знаком лишь поверхностно. Ах! Я вижу, мой жестокий друг пришел в себя. – Он взглянул на Флэша Джима, который ошеломленно сидел, потирая затылок. – Номер 4, как обычно.

Произошла небольшая борьба, и Флэш Джим мирно лег на спину без сознания, а слабый запах хлороформа наполнил комнату.

– А теперь, я думаю, мы пойдем. Весьма удачный вечер.

– Что вы собираетесь со мной делать, негодяй? – пролепетал Уолдок. – Я предупреждаю, у меня есть влиятельные друзья, которые… которые будут задавать вопросы в… в парламенте, если вы что-нибудь со мной сделаете; они обратятся в Скотленд ярд.

– Могу заверить вас, мистер Уолдок, я лично позабочусь о том, чтобы их естественное любопытство было удовлетворено, – учтиво ответил предводитель. – Но в настоящее время, я

боюсь, трем грязным газетенкам, которые вы редактируете, придется довольствоваться мальчиком-рассыльным в качестве путеводного света. И, осмеливаюсь думать, они не пострадают.

Он сделал быстрый знак, и прежде чем они поняли, что происходит, двое мужчин были схвачены сзади, и в рот им всунуты кляпы. В следующее мгновение их протолкнули в дверь, за ними последовал Флэш Джим. Мгновение или два глаза предводителя блуждали по опустевшей комнате, впитывая каждую деталь, затем он шагнул вперед и задул две свечи. Дверь за ним мягко закрылась, и через пару минут две машины тихо отъехали от сломанных ворот по тележной колее. Была как раз полночь; позади них мрачный дом стоял неприветливый и неприступный на фоне темноты ночного неба. И только когда ведущая машина осторожно свернула на главную дорогу, кто-то заговорил:

– Чертовски неловко, когда там полиция.

Крупный мужчина, сидевший за рулем, задумчиво хмыкнул.

– Возможно, – ответил он. – Возможно, и нет. В любом случае, чем больше народу, тем веселее. Флэш Джим в порядке?

– Спит, как ребенок, – ответил другой, заглядывая в кузов машины.

Около десяти миль они ехали молча, затем на главном перекрестке машина остановилась, здоровяк вышел.

Вторая машина ехала сразу за ними, и в течение нескольких минут между ним и другим водителем шепотом шел разговор. Предводитель взглянул на Заболева и Уолдока, которые, казалось, мирно спали на заднем сиденье, и мрачно улыбнулся.

– Спокойной ночи, старина. Докладывай, как обычно.

– Хорошо, – ответил водитель. – Пока.

Вторая машина повернула направо на север, а предводитель стоял, наблюдая за исчезающими задними фарами.

Затем он вернулся на свое место, и вскоре показались первые дома внешнего Лондона. Когда они доехали до Уайтчепела, предводитель снова заговорил с ноткой сдерживаемого волнения в голосе.

– Мы беспокоим их, сильно беспокоим. Иначе они бы никогда не послали Заболева. Он слишком большой человек, чтобы так рисковать, учитывая, что им интересуется полиция.

– Вот полиция меня и беспокоит, – сказал его спутник.

Здоровяк рассмеялся.

– Предоставь это мне, старина; предоставь это полностью мне.

Глава 2, в которой Скотленд ярд оживляется и обращает внимание

Сэр Брайан Джонстон откинулся на спинку стула и, нахмурившись, уставился в потолок. Его руки были глубоко засунуты в карманы брюк, а длинные ноги вытянуты вперед во всю длину под большим столом с выдвижной крышкой. Из соседней комнаты доносился монотонный стук пишущей машинки, и спустя некоторое время сэр Брайан закрыл глаза.

Через открытое окно доносился шум лондонского уличного движения – успокаивающий звук, способствующий сну у тех, кто хорошо пообедал. Но это не относилось к человеку, откинувшемуся на спинку стула. Обед сэра Брайана всегда был скудным, и вовсе не желание спать заставило начальника следственного департамента закрыть глаза. Он был озадачен, и причиной тому был отчет, лежавший перед ним на столе.

Минут десять он оставался неподвижным, затем наклонился вперед и коснулся электрического звонка. Мгновенно пишущая машинка умолкла, и в комнату быстро вошла девушка-секретарь.

– Мисс Форбс, – сказал сэр Брайан, – выясните, здесь ли старший инспектор МакАйвер. Если да, я хотел бы увидеть его немедленно; если нет, проследите, чтобы он получил мой вызов, как только войдет.

Дверь за девушкой закрылась, а через минуту или две мужчина поднялся из-за стола и начал расхаживать по комнате длинными, ровными шагами. Время от времени он останавливался и смотрел на какую-нибудь гравюру на стене, но это был невидящий взгляд человека, чьи мысли заняты другими делами.

Затем он встал, глядя в окно, и стал высказывать свои мысли, не сознавая, что говорит вслух:

– Черт возьми, МакАйвер – не фантазер. Он менее всех наших склонен к фантазированию. И все же…

Его глаза снова обратились к столу, на котором лежал отчет инспектора МакАйвера, вызвавший его инструкции секретарше. Это был отчет об очень странной истории, произошедшей прошлой ночью; через некоторое время сэр Брайан взял отпечатанные листы и снова просмотрел их. Он все еще стоял у письменного стола, лениво перелистывая страницы, когда в комнату вошла секретарша.

– Старший инспектор МакАйвер здесь, сэр Брайан, – объявила она.

– Попросите его войти, мисс Форбс.

Инспектор соответствовал высказанной мысли своего начальника – менее склонного к фантазированию человека трудно было бы представить. Суровый шотландец с квадратной челюстью, он выглядел как один из тех людей, для которых Священное писание было Священным писанием только в той мере, в какой это можно было доказать. Он был невысоким и коренастым, а его физическая сила вошла в поговорку. Но пара добродушно мерцающих глаз противоречили грубому голосу. На самом деле, грубый голос был специально отработан, хоть никого и не обманывал; его дети подражали ему с огромным удовольствием, хоть он и старался выглядеть свирепым, когда они это делали. Короче говоря, МакАйвер, проницательный и безжалостный при исполнении служебных обязанностей, являлся добрейшим из людей. Но фантазером он определенно не был.

– Что, черт возьми, все это значит, МакАйвер? – спросил сэр Брайан с улыбкой, когда дверь за секретаршей закрылась.

– Хотел бы я сам знать, сэр, – серьезно ответил тот. – Я никогда в жизни не терпел настолько ошеломительного поражения.

Сэр Брайан указал ему на стул и сел за письменный стол.

– Я прочитал ваш отчет, – сказал он, продолжая улыбаться, – и, честно говоря, МакАйвер, если бы это написал кто-то другой, я бы разозлился. Но я слишком хорошо вас знаю. Послушайте, – он подтолкнул коробку с сигаретами через стол, – возьмите сигарету, а после паузы давайте послушаем об этом.

МакАйвер закурил сигарету и, казалось, собирался с мыслями. Он любил рассказывать историю на свой манер, и его шеф терпеливо ждал, пока он подготовится. Сэр Брайан знал, что, когда его подчиненный начнет, он получит ясный, краткий отчет о том, что произошло, с безжалостно вырезанными не имеющими отношения к делу пустяками. А если что-то наводило сэра Брайана на мысли об убийстве и насилии, так это непоследовательный, бессвязный доклад одного из его людей.

– Ну, сэр, – начал наконец МакАйвер, – вот вкратце, что произошло. Вчера в десять часов вечера, как и планировалось, мы полностью окружили подозрительный дом на окраине Баркинга. Там дежурила пара хороших парней, которые прятались около дома весь день, и, когда я прибыл около девяти тридцати с сержантом Эндрюсом и полудюжиной других, они сообщили мне, что в доме находилось по меньшей мере восемь человек, и среди них Заболев. За ним и другим мужчиной следили всю дорогу от Лаймхауса, и оба наблюдателя заявили, что он не выходил из дома. Я расставил своих людей и подкрался поближе, желая сам во всем убедиться. В деревянных ставнях одной из комнат нижнего этажа имелась небольшая щель, сквозь которую проникал свет. Я бросил беглый взгляд и обнаружил, что дела обстояли именно так, как мне сообщили. Там собралось восемь человек – неприятная на вид компания. Заболева я увидел во главе стола, рядом с ним стоял Уолдок, тот, который заправляет двумя или тремя самыми противными из красных газет. Был там и Флэш Джим, и я начал жалеть, что не взял с собой еще несколько человек. – МакАйвер печально улыбнулся. – Это была последняя связная мысль, которую я помню. И, – продолжал он серьезно, – то, что я собираюсь вам сейчас рассказать, сэр, может показаться необычным, отрывком из детективной литературы, но так же точно, как я сижу в этом кресле, это на самом деле произошло. Откуда-то совсем близко донеслось уханье совы. Почти в тот же миг я отчетливо услышал шум, похожий на потасовку, и сдавленное ругательство. А потом – вот что поражает меня, сэр, – МакАйвер ударил огромным кулаком по такой же огромной ладони, – меня взяли сзади, как ребенка. Да, сэр, как ребенка.

Сэр Брайан невольно улыбнулся.

– Из тебя вышел хороший солидный ребенок, МакАйвер.

– Совершенно верно, сэр, – проворчал инспектор. – Если бы кто-то предположил такое вчера, я бы рассмеялся ему в лицо. Но факт остается фактом: меня взяли, как ребенка, и накачали, сэр, накачали. Это в моем-то возрасте. Они усыпили меня хлороформом, и больше я не видел ни Заболева, ни остальных членов банды.

– Да, но меня поражает именно остальная часть отчета, – задумчиво проговорил его шеф.

– Как и меня, сэр, – согласился МакАйвер. – Придя в себя сегодня рано утром, я не понял, где нахожусь. Конечно, мои мысли сразу же вернулись к предыдущей ночи, и, чувствуя тошноту после хлороформа и еще более сильную тошноту от того, что меня одурачили, я был не слишком доволен собой. А потом потер глаза и ущипнул себя, и на мгновение или два честно подумал, что сошел с ума. Я сидел на ступеньке перед своей собственной входной дверью, рядом находилась подушка, аккуратно подложенная мне под голову, а все мои люди спали снаружи на тротуаре. Говорю вам, сэр, я смотрел на моих восьмерых парней, уложенных в ряд, около пяти минут, прежде чем мой мозг начал действовать. Я был просто ошеломлен. И тогда я начал злиться. Удар по голове от компании Флэша Джима может получить кто угодно. Но чтобы с тобой обращались как с непослушными детьми и отправляли домой спать, это слегка чересчур. Черт возьми, я подумал, раз уж они этим занялись, почему не уложить меня с моей женой.

Сэр Брайан снова улыбнулся, но его собеседник был слишком поглощен рассказом, чтобы заметить это.

– Тогда-то я увидел записку, – продолжил МакАйвер. Он сунул руку в карман, и начальник протянул руку, чтобы посмотреть на оригинал. Он уже знал содержание почти наизусть, и записка не проливала никакого дополнительного света на загадочное происшествие. Она была напечатана на машинке на бумаге, пачку которой можно купить в любом дешевом магазине канцелярских товаров.

«Подумать только, такой стреляный воробей, как вы, Мак, – гласила она, – берет и подставляется в луче света. Вы должны попросить миссис Мак приобрести еще несколько подушек. В гостиной хватило только для вас и Эндрюса. Я взял Заболева и Уолдока и высадил Флэша Джима на Пикадилли серкус. Я выпорол двух других, чей способ существования не понравился мне; оставшуюся мелкую сошку выпустил на свободу. Глядите бодрее! Один парень в Сент Джеймс готовит замечательный опохмел для следующего утра. Надеюсь, вреда я не причинил.»

Сэр Брайан лениво изучил записку, поднеся ее к свету посмотреть, нет ли на бумаге водяного знака. Затем он изучил напечатанные слова и, наконец, слегка пожав плечами, положил ее на стол перед собой.

– Я бы сказал, обычный «Ремингтон». И поскольку в использовании их несколько тысяч, это не очень помогает. Что насчет Флэша Джима?

МакАйвер покачал головой.

– Первое, что я сделал, сэр, – достал его из-под земли. И насел на него как следует. Он во всем признался: признался, что был там, но клялся всеми клятвами, что оставшуюся часть шоу видел не больше, чем я. Все, что он мог сказать, это что внезапно комната наполнилась людьми в масках. Затем он схлопотал сзади по голове и больше ничего не помнит, пока полицейский, дежуривший на Пикадилли серкус, не разбудил его своим ботинком сегодня утром перед рассветом.

– Этот факт, конечно, вы проверили, – сказал сэр Брайан.

– Немедленно, сэр, – ответил тот. – Впервые в своей жизни Флэш Джим, кажется, говорит правду. Что придает делу забавный оттенок, сэр, если это так.

Инспектор наклонился вперед и уставился на своего шефа.

– Вы слышали эти слухи, сэр, – продолжил он через мгновение, – так же, как и я.

– Возможно, – тихо сказал сэр Брайан. – Но продолжайте, МакАйвер. Я хотел бы услышать, что у вас на уме.

– Это Черная банда, сэр, – сказал инспектор, выразительно наклонившись вперед. – В течение последних двух месяцев ходили слухи, которые время от времени доходили до наших людей. Я сам слышал их; и раз или два задавался вопросом, может ли это быть правдой. Теперь уверен – особенно после того, что сказал Флэш Джим. Существование этой банды – не слухи, а твердый факт.

– Есть ли у вас какая-либо информация о том, чем они занимались – если предположить на мгновение, что это правда? – спросил сэр Брайан.

– Ничего определенного, сэр; до этого момента я не был уверен в ее существовании. Но если оглянуться назад – произошло довольно много внезапных исчезновений. Мы официально ими не занимались, нас об этом не просили. Вряд ли это возможно, когда вспоминаешь, кем являются исчезнувшие.

– Все это предположения, МакАйвер, – сказал сэр Брайан. – Они могут залечь на дно или появиться в другом месте.

– Возможно, сэр, – упрямо ответил МакАйвер. – Но возьмем исчезновение Грейнджера две недели назад. Он – один из самых вредных красных, и мы знаем, что он не покинул страну. Где он? Его жена, как мне довелось знать, сходит с ума от беспокойства, так что это

не похоже на трюк. Возьмем тот экстраординарный случай с поляком, которого нашли привязанным к перилам в Уайтхолле с обритой половиной бороды и волос и словами «Портрет большевика», написанными на его лбу. Не мне говорить вам, сэр, что этот поляк, Страмбовский, несомненно, был посланником между… ну, мы знаем, между кем и кем, и что содержалось в послании. Теперь возьмем прошлую ночь.

– Ну, что насчет прошлой ночи?

– Впервые эта банда вступила с нами в прямой контакт.

– Всегда предполагая факт ее существования.

– Совершенно верно, сэр, – ответил МакАйвер. – У них Заболев, у них Уолдок, и они уложили восьмерых из нас полежать и остыть. Я думаю, от них не стоит отмахиваться.

Сэр Брайан с задумчивым выражением лица встал и подошел к окну. Хотя он и не был готов зайти так далеко, как МакАйвер, ситуация, безусловно, содержала некоторые специфические элементы – элементы, которые он, глава большого государственного департамента, официально не мог допустить ни на мгновение, как бы это ни забавляло его в качестве частного лица.

– Мы должны найти Заболева и Уолдока, – коротко сказал он, не оборачиваясь. – Во всяком случае, у Уолдока есть друзья, которые поднимут шум, если он не объявится. И…

Но его дальнейшие замечания были прерваны появлением секретарши с письмом.

– Для инспектора, сэр Брайан, – сказала она, и МакАйвер, взглянув на своего шефа, открыл конверт. Какое-то время он молча изучал письмо, затем с загадочной улыбкой поднялся и протянул его мужчине у окна.

– Ответа не будет, спасибо, мисс Форбс, – сказал он, и, когда они снова остались одни, начал тихонько потирать руки – верный признак сильного волнения. – Кертис и Сэмюэл Бауэр найдены в трущобах Уайтчепела избитыми до полусмерти. В записке говорится, что их выпороли.

– Эти двое были в Баркинге прошлой ночью? – тихо спросил сэр Брайан.

Совершенно верно, сэр, – ответил инспектор.

– Чем они занимаются? – поинтересовался шеф.

– Торговля белыми рабами в самом грубом варианте, – сказал МакАйвер. – Обычно они сначала накачивают девушек кокаином или какой-нибудь дурью. Что вы теперь скажете о моей теории, сэр?

– Это еще одно очко в ее пользу, МакАйвер, – осторожно признал сэр Брайан, – но нужно гораздо больше доказательств. И, в любом случае, правы вы или нет, мы не можем позволить этому продолжаться. Нам будут задавать вопросы в парламенте.

МакАйвер многозначительно кивнул.

– Если я не смогу найти мужчину, который может поднять меня, как ребенка, и усыпить меня, то пусть я никогда не получу другого дела. Как младенца, сэр. Я… – Он беспомощно развел руками, и на этот раз сэр Брайан откровенно рассмеялся, хотя быстро обернулся, нахмурившись, когда дверь, ведущая в кабинет секретаря, распахнулась, впуская посетителя. Он мельком увидел возмущенную мисс Форбс, порхающую на заднем плане, словно канарейка, поклевывающая семена, затем повернулся к новоприбывшему.

– Черт возьми, Хью, – воскликнул он. – Я занят.

Хью Драммонд ухмыльнулся во все лицо и, к возмущению и изумлению инспектора МакАйвера, подняв руку, похожую на баранью ногу, ударил сэра Брайана по спине.

– Тыква ты старая призерная, – приветливо прогудел Хью. – Я понял по тому, как самка-пташка стучала по чему-то-там, что великий мозг активно ворочается, но, дорогой старина, я пришел сообщить о преступлении. Преступлении, которое я видел собственными глазами; наглое попрание законов, сажающее пятно на нашу прекрасную страну.

Он тяжело опустился в кресло и выбрал сигарету. Визитер был огромным человеком с одним из тех феноменально уродливых лиц, которые кажутся чрезвычайно приятными благодаря необычайному очарованию их владельцев. Ни одно человеческое существо не могло долго злиться на Хью. Люди либо улыбались, увидев негасимый огонек в голубых глазах здоровяка, либо были ошеломлены игривым ударом в грудь кулаком, соперничающим с паровым молотом. Мозгами он, по-видимому, обладал в минимальной степени; мышцами же обладал примерно как пять обычных крепких людей.

Но, в отличие от многих сильных мужчин, он мог двигаться поразительно быстро – что оказывалось неприятным удивлением для многих хороших боксеров-тяжеловесов. В дни своей юности Хью Драммонд, более известный близким как Бульдог, мог набрать сотню очков за чуть больше десяти секунд. И хотя одна мысль о таком выступлении сейчас заставила бы его покрыться холодным потом, он все еще был вполне способен развить скорость, которой позавидовали бы многие люди более легкого телосложения.

Между ним и сэром Брайаном Джонстоном существовала одна из тех дружеских связей, которые основаны на совершенно разных вкусах. Он был прислужником[2] Брайана Джонстона в школе, и по какой-то непостижимой причине тихая ученость старшего мальчика понравилась четырнадцатилетнему парню, уже тогда представлявшему собой массу мускулов. И когда однажды Джонстон, занимаясь своими законными обязанностями префекта[3], обнаружил, что молодой Драммонд довел мальчика на два года старше себя практически до состояния желе, симпатия стала взаимной.

«Он назвал тебя мерзавцем, – сказал Драммонд, слегка запыхавшись, когда его повелитель и хозяин мягко поинтересовался причиной беспокойства. – Вот я и мерзанул его.»

Это было слишком верно, и Джонстон со слабой улыбкой наблюдал, как «замерзанный» удалился с недостойной быстротой.

Затем он посмотрел на своего прислужника.

«Спасибо, Драммонд», – неловко заметил он.

«Чушь. Все в порядке», – ответил тот, неловко покраснев.

Вот и все. Но дружба, начавшаяся тогда, так и не закончилась, хотя жизненные пути развели их в противоположном направлении. Джонстону досталось заслуженное рыцарское звание и высокое положение в стране; Драммонду – столько денег, сколько он хотел, и спортивная жизнь.

– Кто-то украл золотую рыбку? – спросил сэр Брайан с легким сарказмом.

– О боги! Надеюсь, нет, – взволнованно воскликнул Хью. – Перед отъездом Филлис дала мне подробные инструкции касательно этих животных. Я издаю звук, похожий на муравьиное яйцо, и каждое утро роняю их в раковину, Нет, деревенский мудрец, это нечто чрезвычайно важное: пятно на гербе вашей организации. Прошлой ночью – давайте прошепчем об этом в Гефе[4] – я отобедал и далее поужинал не мудро, но слишком хорошо. На самом деле я с глубоким сожалением признаю, что немного выпил – чтобы не сказать, упился. Конечно, этого бы не случилось, если бы Филлис поддерживала старый добрый дом, вы же понимаете; но она уехала в деревню с соловьями, слизняками и прочей живностью. Ну, так вот, в ранние утренние часы я подумал, что пора побрести домой. Я был с некоторыми пташками – мужского пола, Тамкинс, – он строго посмотрел на сэра Брайана, в то время как МакАйвер застыл в ужасе от такого невероятного прозвища, – пташки мужского пола, играющие в подтолкни-полпенни или какую-то подобную игру на ловкость или удачу. Когда я ушел, было около двух часов ночи,

---

[2] В английских школах того времени старшеклассникам должны были прислуживать специально назначенные младшие ученики.

[3] Ученики, на которых возлагалась обязанность следить за порядком в школе.

[4] Отсылка к библейскому выражению «не рассказывайте об этом в Гефе» (2 Царств 1:20), т.е. «сохраняйте секрет, чтобы враги не радовались».

ну, я побрел по Лестер сквер и остановился прямо у Скотта, чтобы полить голову у одной из тележек для полива. Попался чертовски внимательный водитель: остановил свою лошадь на пару минут и дал струе как следует пройтись по мне. Ну, как я уже сказал, пока я лежал на дороге, а от бровей шел пар, мимо проехала машина и остановилась на Пикадилли серкус.

Раздражение МакАйвера внезапно исчезло, и он быстро переглянулся с сэром Брайаном.

– Ничего особенного в этом, Тамкинс, – продолжал бормотать тот, совершенно не замечая внезапного внимания своих слушателей. – Но погоди, старина, я еще не добрался до главного. Из этой машины вышло большое количество парней: по крайней мере, так мне показалось, и ты должен помнить, что я недавно нашампунился. Как только я поравнялся с ними, они вытащили из машины еще одного воина, который, как мне показалось, был без сознания. Сначала я подумал, что их двое, пока не сфокусировал старую оптику и не обнаружил, что я сумел прищуриться. Они положили его на тротуар и вернулись в машину как раз в тот момент, когда я, пошатываясь, поравнялся с ней.

«Эгей, люди, – пробормотал я, – что это такое, так сказать?»

«Надрался, старина, сильно надрался, – сказал водитель машины. – Мы оставляем его здесь поостыть.»

С этими словами машина уехала. Остался я, Тамкинс, в частично пьяном состоянии, один на Пикадилли серкус с пташкой в абсолютно пьяном состоянии.

«Что теперь? —задал я себе вопрос. – Должен ли я пойти и убедить того торговца водой вернуться» – на самом деле я начинал чувствовать, что мне самому не помешал бы еще один душ, – «или мне оставить тебя здесь, как выразились твои приятели, поостыть?»

Я склонился над ним, размышляя над этим узловатым вопросом, и тогда, Тамкинс, я почувствовал странный запах.

Хью сделал драматическую паузу и выбрал еще одну сигарету, в то время как сэр Брайан бросил быстрый предупреждающий взгляд на МакАйвера, которого явно распирало от сдерживаемого возбуждения.

– Необычный и тошнотворный запах, Тамкинс, – продолжал рассказчик с невыносимой медлительностью. – Странный и неуловимый аромат. Долгое время он ускользал от меня, никак не получалось его определить. И вдруг я понял: прямо в середку, старина, прямо в центр трахеи. Это был хлороформ: пташка не была пьяна – она была усыплена.

Совершенно измученный Хью откинулся на спинку стула, и сэр Брайан снова бросил предупреждающий взгляд на своего изведшегося подчиненного.

– Ты смог бы узнать кого-нибудь из мужчин в машине, если бы увидел их снова? – спокойно спросил он.

– Я должен был запомнить водителя, – ответил Хью после глубоких раздумий. – И пташку рядом с ним. Но не остальных.

– А вы записали номер машины? – рявкнул МакАйвер.

– Мой дорогой старина, – пробормотал Хью страдальческим голосом, – да кто вообще когда-нибудь записывает номера машин? Кроме ваших воинов, которые вечно их путают. Кроме того, как я вам уже говорил, я был наклюкан.

– Что ты сделал потом? – спросил сэр Брайан.

– Ну, я включил мозг, – ответил Хью, – и решил, что делать нечего. Он был усыплен, а я в бутылке – так что единогласным решающим голосом одного я побрел домой. Но, Тамкинс, когда я кормил золотую рыбку сегодня утром – скорее, после обеда – совесть начала грызть мои жизненно важные органы. И после глубоких размышлений и консультаций с моим коллегой Денни я решил, что зов долга несомненен. Я пришел к тебе, Тамкинс, как ребенок стремится к своей матери. «Кто лучше старого Там-тама, – подумал я, – выслушает мои девичьи секреты?» И поэтому…

– Одну минуту, Хью, – сэр Брайан поднял руку. – Ты не возражаешь, если я минутку переговорю с инспектором МакАйвером?

– Все, что пожелаешь, старина, – пробормотал Драммонд. – Но будь милосерден. Помни про мою невинную жену в деревне.

И в комнате воцарилась тишина, нарушаемая только тихим разговором между МакАйвером и его шефом у окна. По их жестам можно было предположить, что сэр Брайан предлагает своему подчиненному нечто, с чем этот достойный офицер не был готов охотно согласиться. А через некоторое время сдавленный храп со стула возвестил о том, что Драммонд перестал проявлять разумный интерес к мирским событиям.

– Он – необыкновенный парень, МакАйвер, – сказал сэр Брайан, с улыбкой взглянув на спящего. – Я знаю его со школы. И он не такой дурак, каким себя выставляет. Помните тот экстраординарный случай с Питерсоном год или около того назад? Так вот, это его рук дело. Его полная неспособность быть хитрым полностью победила этого архимошенника, который всегда искал тонкостей там, где их нет. И, конечно, он феноменально силен.

– Я знаю, сэр, – с сомнением сказал МакАйвер, – но согласится ли он взяться за такое дело – и будет ли делать в точности то, что ему сказали?

Они оба смотрели в окно, в то время как в комнате позади них монотонно шумело тяжелое дыхание спящего. А когда аудитория спит, необходимость говорить вполголоса отпадает. Вот почему сэр Брайан и инспектор в течение следующих десяти минут обсуждали некоторые важные вопросы, которые они не стали бы обсуждать через мегафоны в «Савое». Они касались Хью и других тем, и другие темы представляли особый интерес. И они продолжали обсуждать эти другие темы до тех пор, пока с ужасным шумом, похожим на хлопок мотора гоночного автомобиля, спящий не выпрямился в кресле и не потянулся.

– Тамкинс, – гаркнул он. – Я совершил святотатство. Спал в Святая Святых. Ты уже решил мою судьбу? Меня расстреляют на рассвете?

Сэр Брайан отошел от окна и сел за свой стол. Минуту или две он задумчиво потирал подбородок левой рукой, словно пытаясь принять решение, затем откинулся на спинку стула и уставился на своего бывшего прислужника.

– Не хотел бы ты поработать, старина?

Хью вздрогнул, как будто его ужалила оса, и сэр Брайан улыбнулся.

– Я не про не настоящую работу, – сказал он успокаивающе. – Но по чистой случайности прошлой ночью ты увидел то, что инспектор МакАйвер дорого бы дал, чтобы увидеть. Или, если быть более точным, ты видел мужчин, с которыми МакАйвер особенно хочет встретиться.

– Ты имеешь в виду тех парней в машине, – радостно воскликнул Хью.

– Тех парней в машине, – согласился другой. – Должен сказать, в этом маленьком эпизоде заложено гораздо больше, чем ты думаешь; и после консультации с МакАйвером я решил рассказать тебе кое-что об этом, потому что ты можешь помочь нам, Хью. Видишь ли, у тебя есть преимущество перед МакАйвером: ты, во всяком случае, видел этих людей, а он нет. Более того, ты утверждаешь, что мог бы узнать двоих из них.

– Боже мой! Тамкинс, – ошеломленно пробормотал Хью, – не говори, что ты хочешь попросить меня бродить по улицам Лондона в поисках их.

Сэр Брайан улыбнулся.

– Мы избавим тебя от этого, – ответил он. – Но я бы хотел, чтобы ты обратил внимание на то, что я собираюсь сказать.

Лицо Хью приняло выражение сильной боли, всегда свидетельствующее о том, что его владелец сосредоточился.

– Продолжай, старая пташка, – заметил он. – Я постараюсь продержаться весь забег.

– Прошлой ночью, – спокойно начал сэр Брайан, – с МакАйвером произошла очень странная вещь. Не буду обременять тебя подробностями, достаточно просто рассказать

в общих чертах, что произошло. Он и несколько его людей при исполнении служебных обязанностей окружили определенный дом, в котором находились нужные нам люди. Если быть более точным, там находился один человек, которого мы хотели взять. За ним следили с тех пор, как он приземлился в Англии тем утром, следили всю дорогу от доков до дома. И, конечно же, когда МакАйвер и его люди окружили дом, наш друг и все его приятели находились там в одной из комнат на первом этаже. И тогда произошла странная вещь. Я понял со слов МакАйвера, что он услышал уханье совы, а также слабую возню и проклятие. И после этого больше ничего не слышал. Его усыпили хлороформом сзади, и он сразу сошел со сцены.

– Боги мои! – пробормотал Хью, недоверчиво уставившись на МакАйвера. – Какая удивительная история!

– И вот тут на сцену выходишь ты, Хью, – продолжил сэр Брайан.

– Я! – Хью резко выпрямился. – Почему я?

– Одним из людей, находившихся в комнате, был интересный парень, известный как Флэш Джим. Он взломщик с неплохой репутацией, хотя вполне готов взяться за любую доходную работу. И когда МакАйвер, придя в себя этим утром, разыскал Флэша Джима в одном из его убежищ, у него сложилось впечатление, что люди, которые усыпили его и других полицейских хлороформом, были приятелями Флэша Джима. Но после разговора с ним его мнение изменилось. Все, что Флэш Джим мог сказать ему – что прошлой ночью он и несколько друзей обсуждали дела в том доме. Он не пытался это отрицать. Далее он рассказал, что внезапно комната наполнилась мужчинами в масках, и его вырубили, стукнув по затылку. После этого, по-видимому, его успокоили, дав понюхать хлороформ, и следующее, что он помнит, как полицейский разбудил его ботинком на… – Сэр Брайан сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность сказанного – на Пикадилли серкус.

– Боже мой! – ошеломленно произнес Хью. – Тогда той пташкой, которую я видел прошлой ночью спящей на тротуаре, был Флэш Джим.

– Именно так, – ответил сэр Брайан. – Но что гораздо важнее, старина, так это то, что две пташки в машине, о которых ты говоришь, что смог бы их узнать, – это двое мужчин в масках, которые сначала уложили МакАйвера, а затем окружили Флэша Джима и его приятелей в доме.

– Но зачем им это надо было? – недоуменно спросил Хью.

– Именно это мы и хотим выяснить, – ответил сэр Брайан. – Насколько можно судить на данный момент, они не являются преступниками в общепринятом смысле этого слова. Они выпороли двух мужчин, которые были там прошлой ночью, а в Англии нет двух мужчин, которые бы более заслуживали порки. Они похитили еще двоих, одного из которых мы разыскиваем. Затем они закончили дело, высадив Флэша Джима, как я уже говорил, отпустили остальных и привезли МакАйвера и всех его людей обратно к дому МакАйвера, где оставили их остывать на тротуаре.

На мгновение воцарилась тишина, а затем Хью затрясся от смеха.

– Абсолютно бесподобно! – пробормотал он, когда снова смог говорить. – У старины Элджи лопнет кровеносный сосуд, когда я скажу ему: «Элджи, помнишь Тамкинса, не так ли – ту пташку в очках с забавным лицом?»

Инспектор МакАйвер насупился. Все это время он сомневался в разумности введения Драммонда в курс дела, и теперь он чувствовал: его опасения подтвердились. Стоит ли, черт возьми, ожидать, что столь очевидный осел окажет хоть малейшую помощь? И теперь его хриплое веселье показалось ему совершенно неприличным. Но шеф настаивал: ответственность лежит на нем. Одно было ясно наверняка, мрачно размышлял МакАйвер: Элджи, кем бы он ни был, будет не единственным, кому представится привилегия порвать кровеносный сосуд. Очень скоро история станет достоянием всего Лондона – а может, и попадет в газеты. МакАйвер особенно не хотел, чтобы последнее произошло. Однако в следующее мгновение сэр Брайан развеял некоторые из его наихудших страхов.

– Ни при каких обстоятельствах, Хью, – серьезно заметил он, – Элджи нельзя давать шанса порвать какой-либо кровеносный сосуд. Ты понимаешь, что я имею в виду. То, что я сказал сегодня днем, предназначено только для тебя – и ни для кого другого. Мы знаем об этом, Флэш Джим и Компания знают об этом.

– И веселые старые спортсмены в масках знают это, – сказал Хью.

– Верно, – заметил сэр Брайан. – И это уже чертовски много людей. Мы больше никого не хотим.

– Что касается меня, мой храбрый Тамкинс, – воскликнул визитер, – список закрыт. Определенно, больше никаких участников секрета конюшни. Но я все еще не вижу, где могу вмешаться и присоединиться к драке.

– Вот где, старина, – сказал сэр Брайан. – МакАйвер – очень сильный человек, и все же прошлой ночью, по его словам, его, как ребенка, уложил один из этих людей в масках, который, судя по написанной им записке, предположительно является главарем банды. И мы делаем вывод, что этот предводитель является исключительно сильным в физическом отношении.

– Клянусь богом! Не так быстро, Тамкинс, – восхищенно сказал Хью. – Но у тебя всегда были чертовски хорошие мозги.

– Ты тоже являешься совершенно исключительным в этой области, Хью, – продолжил хозяин кабинета.

– О, я могу стукнуть парня по лицу, если оно прыщавое и вообще неприятное, – заметил Хью скромно.

– И вот что я хочу знать. Если мы тебя предупредим заранее, не мог бы ты пойти с МакАйвером в следующий раз, когда у него будет какое-нибудь дело, по его мнению, связанное с этой бандой? У нас есть довольно неплохое представление о том, на чем она специализируется.

Хью с ошеломленным видом провел рукой по лбу.

– Ты имеешь в виду что-то вроде материнской опеки, – МакАйвер насупился и стал еще мрачнее. – Пташка стукает МакАйвера, я стукаю пташку. Это твоя мысль?

– Верно, – согласился сэр Брайан. – Конечно, тебе придется делать в точности то, что скажет МакАйвер, и все это очень необычно. Но с учетом особенностей данного случая… В чем дело, мисс Форбс? – Он взглянул на секретаршу, которая стояла в дверях, слегка нахмурившись.

– Этот человек настаивает на немедленной встрече с вами, сэр Брайан.

Она подошла с карточкой, и сэр Брайан взял ее.

– Чарлз Лэттер. – Он нахмурился еще сильнее. – Какого черта ему нужно?

Ответ был дан самим джентльменом, появившимся в этот момент в дверях. Он явно пребывал в состоянии сильного волнения, и сэр Брайан встал.

– В данный момент я занят, мистер Лэттер, – холодно сказал он.

– Мое дело не займет у вас и минуты, сэр Брайан, – воскликнул тот. – Я хочу знать, цивилизованная эта страна или нет? Посмотрите, что я получил с дневной почтой.

Он протянул листок бумаги, на который хозяин кабинета мельком взглянул. Затем небрежный взгляд внезапно исчез, и, когда сэр Брайан сел за свой стол, его глаза были мрачными и строгими.

– Вы сказали, с дневной почтой.

– Да. И в последнее время произошло слишком много исчезновений!

– Откуда вы это знаете? – рявкнул шеф, уставившись на него.

На мгновение Лэттер заколебался, его лицо сменило цвет.

– О, это все знают, – ответил он, стараясь говорить небрежно.

– Это не все знают, – спокойно заметил сэр Брайан. – Однако вы поступили совершенно правильно, придя ко мне. Каковы ваши планы на ближайшие несколько дней?

– Завтра я уезжаю из Лондона к леди Мэнтон, под Шеффилд, – ответил Лэттер. – Там состоится домашняя вечеринка полуполитического характера. Святые небеса! Что это?

Фыркнув, Хью сел, моргая.

– Мне так совестно, старина, – пробормотал он. – Я всхрапнул; знаю, что храпел. Не годится засиживаться допоздна, не так ли?

Он тяжело поднялся со стула и приятно улыбнулся Лэттеру, который неодобрительно нахмурился.

– Я и не засиживаюсь. Так что, сэр Брайан?

– Этим вопросом займутся, мистер Лэттер. Я позабочусь об этом. Всего хорошего. Записку я оставлю у себя.

– И кто был этот маленький смешной человечек? – спросил Хью, когда дверь за мистером Лэттером закрылась.

– Член парламента от избирательного округа севера страны, – ответил сэр Брайан, продолжая глядеть на листок бумаги в руке. – Живет выше своего дохода. Чрезвычайно амбициозный. Но я думал, с ним все в порядке.

Двое других удивленно уставились на него.

– Что вы имеете в виду, сэр? – наконец спросил МакАйвер.

– Наши неизвестные друзья так не считают, Мак, – ответил шеф, передавая своему подчиненному оставленную Лэттером записку. – Эти джентльмены начинают меня интересовать.

– «Тебе нужно отдохнуть, Чарлз Лэттер, – медленно прочитал МакАйвер. – Мы создали заведение для таких людей, как ты, где кое-кто из твоих друзей ждут тебя. Через несколько дней ты присоединишься к ним.»

– Две вещи бросаются в глаза, МакАйвер, – заметил сэр Брайан, задумчиво закуривая сигарету. – Первое и самое важное: это сообщение и то, которое вы нашли сегодня утром, были напечатаны на одной и той же пишущей машинке – буква «е» в каждом случае деформирована. И во-вторых, мистер Чарлз Лэттер, похоже, располагает внутренней информацией о недавних действиях наших друзей в масках, и трудно понять, как он ее получил. Если только… – он сделал паузу и уставился в окно, нахмурившись, – если только они не знакомы с его рабочим графиком гораздо лучше, чем я.

Огромная челюсть МакАйвера выпятилась, как будто была сделана из гранита.

– Что доказывает мою теорию, сэр, – проворчал он. – Но если эти шутники попробуют сыграть в подобную игру с мистером Лэттером, они не поймают меня врасплох во второй раз.

Ужасный удар по спине заставил его ахнуть и поперхнуться.

– Вот говорит мой мальчик-герой, – воскликнул Хью. – Вместе мы перехитрим негодяев. Я напишу и отменю визит: только рад такой возможности. Старая Джулия Мэнтон – лицо, как у лошади; положительно ошеломляет меня своим многословием. Дом в Шеффилде связывает меня, Тамкинс – ужасный дом, просто разит деньжищами.

Сэр Брайан удивленно посмотрел на него.

– Ты хочешь сказать, что собираешься к леди Мэнтон?

– Собирался. Но не сейчас. Я буду держаться к мистеру МакАйверу ближе, чем брат.

– Думаю, не стоит, старина. Ты едешь. Если бы ты не спал, услышал бы, как Лэттер сказал, что тоже собирается туда. Ты можешь оказаться полезен даже раньше, чем я думал.

– Лэттер собирается к старой Джулии? – Хью изумленно уставился на него. – Мой дорогой старый Там-там, какое совершенно удивительное совпадение.

Глава 3, в которой Хью Драммонд сочиняет письмо

Хью Драммонд медленно шел по Уайтхоллу в направлении Трэфелгер сквер. На его лице было обычное выражение бездумного добродушия, и время от времени он мурлыкал себе под нос какую-то мелодию. Он остановился у отеля «Карлтон», когда рядом с ним притормозила машина, из которой вышли мужчина и девушка.

– Элджи, старина, дорогой, – пробормотал он, снимая шляпу, – здоровы ли мы сегодня?

– Сносно, старина, – ответил Элджи Лонгуорт, поправляя совершенно ненужный ему монокль. – Устрицы немного завяли сегодня утром, но вечером я снова попытаюсь. Кстати, ты знаком с мисс Фэрридейл?

Хью поклонился.

– Я полагаю, вы знаете, на какой риск идете, гуляя с ним?

Девушка рассмеялась. – Он кажется безобидным, – легко ответила она.

– Это его хитрость. После второй чашки чая он становится сущим дьяволом. По той же причине, Элджи, я на некоторое время впадаю в спячку в сельской местности. Собираюсь на несколько дней к милой старушке Джулии Мэнтон, в сторону Шеффилда.

Мисс Фэрридейл озадаченно нахмурилась и посмотрела на него.

– Вы имеете в виду леди Мэнтон – жену сэра Джона?

– Именно эту милую старушку, – ответил Хью. – Знаете ее?

– Довольно хорошо. Но ее зовут не Джулия. И ей не понравится, если вы назовете ее старой.

– Боже мой! Разве нет? И не понравится? Должно быть, я путаю ее с кем-то другим.

– Дороти Мэнтон – хорошо сохранившаяся женщина, скажем, тридцати пяти лет. Она была дочерью бакалейщика, теперь же – самый ярый сноб. Надеюсь, вам у нее понравится.

– Ваша привязанность к ней ошеломляет меня, – пробормотал Хью. – Похоже, мне предстоит веселое времяпрепровождение.

– Когда ты уезжаешь, Хью? – спросил Элджи.

– Завтра, старина. Но не буду отвлекать тебя от чая. Следите, чтобы после второй чашки стол был между вами, мисс Фэрридейл.

Он приподнял шляпу и двинулся дальше по Хеймаркету, но вдруг повернул назад.

– Вы сказали «Дейзи», не так ли?

– Нет, Дороти, – засмеялась девушка. – Ну же, Элджи, я уже хочу чай.

Она вошла в «Карлтон», и на мгновение двое мужчин остались вместе на тротуаре.

– Повезло, что она знает эту Мэнтон, – пробормотал Хью.

– Не может быть? – ахнул Элджи.

– Никак не со времен Евы[5], старина. Ничего не назначай на ближайшее будущее. У нас будут дела. Я поступил на службу в полицию, и мне понадобится помощь.

Весело кивнув, он зашагал прочь, а Элджи Лонгуорт после минутного колебания последовал за девушкой в «Карлтон».

– Ваш друг – сумасшедший? – заметила она, когда он подошел.

– Абсолютно, – ответил он. – Давайте пожуем эклер!

Четверть часа спустя Хью вошел в свой дом на Брук стрит. На столике в прихожей лежали три телеграммы, он вскрыл их и прочитал. Затем, разорвав их на мелкие кусочки, прошел в кабинет и позвонил.

---

[5] Перефразированное английское выражение, звучащее как « (не) знать кого-либо со времен Адама», т.е. «совсем не знаком».

– Пива, Денни, – проговорил он, когда вошел слуга. – Пива в бокале. Я в прострации. А потом принеси мне одну из тех треклятых книг, в которые люди вписывают свои имена в сопровождении обычной лжи.

– «Кто есть кто», сэр, – подсказал Денни.

– Вот-вот, – сказал его хозяин. – Хотя, кто есть кто в наши дни, Денни – очень темный вопрос. Я быстро теряю веру в своего брата человека – очень быстро. А потом мы должны написать письмо Джулии – нет, Дороти Мэнтон – бывшей дочери бакалейщика, с которой я намереваюсь провести несколько дней.

– Кажется, мне это имя не знакомо, сэр.

– Мне тоже было не знакомо, Денни, примерно час назад. Но у меня есть достоверные сведения о том, что она существует.

– Но как, сэр… – начал сбитый с толку Денни.

– В данный момент путь неясен, – признался Драммонд. – Туман войны окутывает меня. Пива, дурень, пива.

Привыкший к маленьким капризам своего хозяина, Денни вышел из комнаты и вскоре вернулся с большим кувшином пива, который поставил на маленький столик рядом со стулом Драммонда. Затем он устроился за его креслом с карандашом и блокнотом в руке и начал терпеливо ждать.

– Сноб, Денни, сноб, – сказал наконец Драммонд, опуская пустой стакан. – Как лучше всего проникнуть в жизнь и в дом женщины-сноба, которую даже не знаешь в лицо? Давай рассуждать, исходя из базовых принципов. Есть ли в нашем репертуаре что-нибудь, что широко распахнуло бы двери ее дома, открыв благоговейному взору выстроившихся в ряд лакеев? – Он внезапно поднялся. – Знаю, Денни, по крайней мере, для начала сойдет. У нас есть старый Репоголов. Он же мой двоюродный брат.

– Вы имеете в виду лорда Стейвли, сэр, – неуверенно произнес Денни.

– Конечно, его, осел. Кого еще? – держа в руке вновь наполненный стакан пива, Хью прошелся взад и вперед по комнате. – Мы должны каким-то образом привлечь его.

– Он в Центральной Африке, сэр, – осторожно напомнил Денни.

– Какое, черт возьми, это имеет значение? Джулия – я имею в виду Дороти – не узнает. Наверное, никогда не слышала о бедном старичке. Пиши, дурила; бери ручку и пиши быстро. «Дорогая леди Мэнтон, надеюсь, вы не забыли несколько приятных дней, которые мы провели вместе в Уилтшир Тауэрс этой весной».

– Но вы не ездили к герцогу этой весной, сэр, – выдохнул Денни.

– Я знаю, осел, – но и она там не была. Если быть точным, в доме тогда шел ремонт, только она об этом не знает. Продолжай, идеи хлынули потоком. «Я, конечно, не забыл любезное приглашение приехать к вам с визитом, которое вы озвучили моему кузену Стейвли и мне. В данный момент он убивает зверей в Африке, в то время как я обречен на эту неприятную страну. Завтра мне нужно ехать в Шеффилд…» – Он сделал паузу. – Почему, Денни, почему я должен ехать в Шеффилд? Почему, во имя всего святого, кто-нибудь вообще ездит в Шеффилд?

– Там делают ножи, сэр.

– Вот как? Но не обязательно ехать туда, чтобы купить их. И в любом случае, мне не нужны ножи.

– Вы могли бы просто написать «по делу», сэр, – заметил слуга.

– Черт возьми! Ты гений, Денни. Вставь это. «…Шеффилд по делам, и мне пришло в голову поймать вас на слове и приехать…» Где живет эта чертова женщина? Посмотри в «Кто есть кто».

– Дрейтон хаус, сэр, – объявил Денни.

– «…в Дрейтон хаус на день или два. Искренне ваш». Это сработает, Денни. Дай его мне, и я все перепишу. Лист лучшей бумаги с гербом и оттисненым синим номером телефона – и победа за нами.

– Не слишком ли поздно вы ее предупреждаете, сэр? – с сомнением сказал Денни.

Драммонд отложил ручку и печально посмотрел на него.

– Иногда, Денни, я отчаиваюсь в тебе, – ответил он. – Даже после четырех лет общения со мной бывают моменты, когда ты снова погружаешься в свою первозданную мозговую пучину. Если дать ей немного времени, вполне возможно – хотя, признаюсь, маловероятно, – я могу получить от нее ответ, в котором будет говориться, что она совершенно не знает о моем существовании и отправила мое письмо в полицию. И что нам тогда делать, мой верный шалопай? Как бы то ни было, я прибываю в Дрейтон хаус сразу после письма, с ужасом обнаруживаю, что совершил ошибку, и получаю милостивое прощение от моей очаровательной хозяйки, как и подобает мужчине со столь возвышенными друзьями. А теперь беги и поймай мне такси.

– Вы будете к ужину, сэр?

– Возможно – а возможно, нет. Если нет, я завтра отправлюсь в Шеффилд на «Роллс-ройсе». Проследи, чтобы все было упаковано.

– Хотите, чтобы я поехал с вами, сэр?

– Нет, Денни, не в этот раз. У меня предчувствие, что я буду наслаждаться жизнью в Дрейтон хаусе, а ты слишком молод для такого рода вещей.

С покорным выражением лица Денни вышел из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь. Но Драммонд, предоставленный самому себе, не сразу сел переписывать письмо леди Мэнтон. Небрежно держа ручку в руке, он сидел за столом, задумчиво уставившись в противоположную стену. Полностью исчезло его обычное бессмысленное выражение хорошего настроения, сменившись на выражение спокойной, почти мрачной решимости. У него был вид человека, которому предстоит принять важные решения, и для которого, к тому же, подобный опыт не в новинку. Минут пять он сидел неподвижно, потом с коротким смешком вышел из задумчивости.

– Мы приближаемся к девизу, сын мой, – пробормотал он, – чертовски близко. Если мы не добудем барсука через несколько недель, я съем свою шляпу.

Снова рассмеявшись, он вернулся к наполовину законченному письму. Через минуту или две, проштамповав и надписав конверт, сунул его в карман и встал. Затем пересек комнату и отпер небольшой сейф, стоявший в углу. Из него он достал маленький автоматический револьвер, который опустил в карман пальто, а также крошечный сверток чего-то, похожего на тонкий черный шелк. Заперев сейф, он взял шляпу и трость и вышел в холл.

– Денни, – позвал он, остановившись у входной двери.

– Сэр, – отозвался этот достойный человек, появляясь из задних помещений.

– Если мистер Дэррелл или кто-нибудь из них позвонит, я буду рвать кость с острым мясом сегодня вечером в «Сэвой грил» в одиннадцать часов.

Глава 4, в которой граф Задова испытывает шок

Дом номер 5 по Грин-стрит в Хокстоне не был привлекательным жилищем. Объявление на одном из грязных окон нижнего этажа сообщало, что мистер Уильям Эткинсон готов выдать деньги под соответствующее обеспечение; визит в рабочее время показывал, что это была чистая правда, даже если появление приспешника мистера Эткинсона заставляло потенциального заемщика задуматься, каким образом он ухитрился приобрести такое агрессивно английское имя.

Второй и третий этажи, по-видимому, занимал штат его служащих, удивительно большой, учитывая местонахождение и качество бизнеса. Хокстон вряд ли находится в той части Лондона, где можно ожидать перехода крупных сумм денег из рук в руки, и все же не было никаких сомнений в том, что штат мистера Уильяма Эткинсона был многочисленным и активным. Нередко его клерки продолжали усердно работать в десять и одиннадцать часов вечера, хотя фактически контора на первом этаже закрывалась в шесть часов – восемь по субботам.

Как раз перед закрытием на следующий день после странного происшествия в Баркинге большой, неопрятный на вид человек явился в контору мистера Эткинсона. Случайному наблюдателю могло показаться, что его самой насущной потребностью были мыло и вода, но его появление, по-видимому, не вызвало удивления у клерка. Возможно, в Хокстоне терпимо относятся к таким мелочам.

Клерк – бледный, анемичного вида мужчина с нездоровой кожей и крючковатым носом – устало поднялся со своего места.

– Чего ты хочешь? – угрюмо спросил он.

– А шо ты думаешь? – возразил посетитель. – Кошачьего мяса?

Клерк отпрянул в гневе, кровь прилила к его желтоватому лицу.

– Не смей говорить со мной таким тоном, дружище, – сердито сказал он. – Не забывай, что это моя контора.

– Да, – ответил тот. – Так же, как и твой нос, похожий на кусок замазки, прилипший к пудингу с салом. И если ты мне дашь губу[6] – учти, я оторву ее. Выброшу на улицу, вот увидишь, и тебя вслед за ней, ты, пропаренный кусок плохой требухи. А теперь – к делу. – Он стукнул по столу огромным кулаком так сильно, что, казалось, задрожала вся контора. – Не знаю, как у тебя, а у меня нет времени, чтобы тратить его впустую. Сколько?

Он бросил на прилавок пару толстых ботинок с коваными гвоздями и свирепо глянул на клерка.

– Два шиллинга, – равнодушно сказал тот, бросая на прилавок монету и беря ботинки.

– Два шиллинга! – гневно воскликнул клиент. – Два шиллинга, ах ты, жалкий жиденок. – Мгновение или два он что-то нечленораздельно бормотал, как будто не обладал даром речи; затем его огромная рука метнулась вперед и схватила клерка за воротник. – Подумай еще раз, Арчибалд, – тихо продолжал он, – подумай еще раз и подумай лучше.

Но клерк, как и следовало ожидать при такой работе, был готов к чрезвычайным ситуациям подобного рода. Его правая рука мягко скользнула вдоль стойки к скрытому электрическому звонку, подававшему сигнал его коллегам на верхнем этаже. Звонок выполнял несколько функций: он действовал как призыв о помощи или как предупреждение, и срочность вопроса истолковывалась теми, кто его слышал, в зависимости от того, сколько раз на него нажимали. Сейчас клерк решил, что два звонка вполне соответствуют случаю: ему не нравился внешний вид большого и сердитого мужчины, в чьих руках он чувствовал себя абсолютно беспомощным, и он решил, что требуется срочная помощь. И поэтому, возможно, ему немного не повезло,

[6] «дать губу» – идиома, означающая «нагло разговаривать».

что он позволил уродливой маленькой ухмылке украсить его губы за секунду или две до того, как рука нащупала звонок. Мужчина, стоявший по ту сторону прилавка, увидел эту ухмылку и всерьез вышел из себя. С яростным рычанием он нанес удар прямо между глаз, и клерк рухнул за стойку, так и не подав сигнал.

Несколько мгновений здоровяк стоял неподвижно, внимательно прислушиваясь. Наверху слышалось слабое постукивание пишущей машинки; снаружи сквозь две закрытые двери негромко доносились обычные уличные шумы Лондона. С проворством, примечательном в таком крупном человеке, он перепрыгнул через стойку и профессиональным взглядом осмотрел лежащего. Слабая усмешка появилась на его лице, когда он определил состояние оного джентльмена, после чего не стал терять времени даром. На самом деле он так быстро и методично взялся за дело, словно все представление было продумано и отрепетировано заранее, включая временную недееспособность клерка. Через полминуты того связали, заткнули рот кляпом и положили под прилавок. Рядом с ним здоровяк поставил пару ботинок, к которым прикрепил вынутый из кармана листок бумаги. На нем было нацарапано неграмотной рукой: «Взял справидливую плату за батинки, свинья». Затем, совершенно сознательно, здоровяк взломал кассу и забрал немного денег, после чего еще раз осмотрел лежащего без сознания под прилавком мужчину.

– Без сучка и задоринки, – пробормотал он. – В полном соответствии с Кокером[7]. Теперь, деревенский старик, переходим ко второму пункту программы. Должно быть, вот дверь, которая мне нужна.

Он осторожно открыл ее, и приглушенный гул голосов сверху зазвучал в его ушах немного громче. Затем тенью исчез в полумраке дома.

* * * * *

Несомненно, номер 5 по Грин стрит был домом сюрпризов. Постороннему человеку, прошедшему через грязную контору на первом этаже, где клерк мистера Эткинсона обычно принимал клиентов, а затем поднявшемуся по лестнице на второй этаж, было бы трудно поверить, что он находится в том же доме. Но незнакомцев не поощряли делать ничего подобного.

Лестничный пролет вел к двери, где и происходила метаморфоза. По одну сторону от нее лестница спускалась на первый этаж не слишком чистая и без ковра, с другой стороны картина менялась. Исследователь оказывался перед широким коридором, в который выходили комнаты с обеих сторон; коридор был хорошо освещен электрическими лампами, свисавшими с потолка, а пол покрыт хорошим простым ковром. Вдоль стен ряды книжных полок тянулись, за исключением промежутков для дверей, до перегородки в дальнем конце коридора. В перегородке была еще одна дверь, за ней коридор продолжался до окна, плотно закрытого ставнями и запертого на засов. В этот участок коридора выходила только одна комната – комната, которая заставила бы исследователя протереть глаза от удивления. Она была богато, можно сказать роскошно, обставлена. В центре находился большой письменный стол со сдвигающейся столешницей, вокруг него вразброс стояли несколько кресел, обитых зеленой кожей. Длинный стол, заваленный всеми мыслимыми газетами, занимал почти целиком одну сторону комнаты. Огромный сейф, вровень со стеной, занимал другую сторону, а окно, как и наружное, было почти герметично закрыто. В углу находился камин без малейших признаков того, что огонь зажигался или были сделаны какие-либо приготовления к его разжиганию. Два электронагревателя, присоединенные длинными гибкими штекерами к розеткам в стене, составляли систему отопления, а большой центральный светильник и полдюжины передвижных светильников освещали каждый уголок комнаты.

[7] Английская идиома, означающая «всё сделано правильно, в соответствии с инструкциями».

В этой комнате, в блаженном неведении о печальном положении клерка внизу, сидели и беседовали двое мужчин. В кресле, придвинутом вплотную к письменному столу, сидел не кто иной, как Чарлз Лэттер, член парламента, и именно он создавал большую часть разговора. Но внимание привлекал другой человек – по-видимому, сам мистер Эткинсон. Он сидел во вращающемся кресле, которое развернул так, чтобы быть лицом к говорящему; его внешность привлекала внимание, а затем и завораживала.

Сначала казалось, что он страдает почти феноменальной сутулостью, и только если подойти ближе, причина становилась ясна. Мужчина был горбуном и создавал впечатление огромной хищной птицы. В отличие от большинства горбунов, ноги у него были нормальной длины, и когда он неподвижно сидел в кресле, положив руки на каждое колено, и немигающими глазами смотрел на своего разговорчивого собеседника, в его облике сквозило что-то неумолимо угрожающее. Его волосы были седыми, черты лица строгими и жесткими, а рот напоминал стальной капкан. Но самой яркой чертой являлись его глаза – серо-голубые и пронзительные, они, казалось, могли проникнуть в самую глубину души. Человек, которому было бы неразумно лгать – человек, совершенно беспринципный сам по себе, который наказал бы за двурушничество тех, кто работал на него, с беспощадной суровостью. Опасный человек.

– Итак, вы обратились в полицию, мистер Лэттер, – учтиво заметил он. – И что сказал по этому поводу наш друг сэр Брайан Джонстон?

– Сначала, граф, почти ничего не сказал. На самом деле он вообще сказал очень мало. Но стоило ему взглянуть на записку, как его поведение изменилось. Я сразу заметил. Что-то в записке его заинтересовало…

– Позвольте мне взглянуть на нее, – сказал граф, протягивая руку.

– Я оставил ее у сэра Брайана, – последовал ответ. – Он попросил разрешения оставить ее у себя. И пообещал, что со мной все будет в порядке.

Губы графа скривились.

– Для обеспечения вашей безопасности, мистер Лэттер, потребуется нечто большее, чем обещание сэра Брайана Джонстона. Вы знаете, от кого записка?

– Я подумал, граф, – проговорил тот немного дрожащим голосом, – я подумал, что, может быть, от той таинственной Черной Банды, о которой ходят слухи.

– Так и есть, – коротко ответил граф.

– Боже мой! – пробормотал Лэттер. – Значит, это правда, они существуют.

– За последний месяц, – ответил горбун, пристально глядя на своего испуганного собеседника, – почти двадцать наших самых полезных людей исчезли. Просто растворились в воздухе. Я знаю, не важно откуда, что это не дело рук полиции: они так же озадачены, как и мы. Но полиция, мистер Лэттер, каких бы взглядов ни придерживалась официально, по всей вероятности, неофициально очень рада исчезновению наших друзей. Во всяком случае, была до вчерашнего вечера.

– Что вы имеете в виду? – спросил политик.

– Прошлой ночью полиция лишилась своей добычи, а МакАйвер не любит, когда его обходят. Вы знаете, что сюда прислали Заболева?

– Да, конечно. Это одна из причин, по которой я пришел сегодня к вам. Вы его видели?

– Не видел, – мрачно ответил граф. – Полиция узнала о его приезде.

Лицо мистера Лэттера побледнело: мысль о том, что Заболев находится под стражей, ему не нравилась. Следовало отметить, что его чувства были чисто эгоистичными – Заболев слишком много знал.

Но граф снова заговорил. На его лице появилась легкая усмешка; он читал мысли собеседника, как открытую книгу.

– То же самое, – продолжил он, – знала Черная банда. Они увели Заболева и нашего друга Уолдока из-под самого носа полиции, и, подобно двадцати другим, они исчезли.

– Боже мой! – Более не оставалось никаких сомнений в душевном смятении мистера Лэттера. – А теперь они угрожают мне.

– А теперь они угрожают вам, – согласился граф. – И я рад, что вы сделали именно то, что я бы вам посоветовал, увидься с вами раньше. Вы обратились в полицию.

– Но… но, – заикаясь, пробормотал Лэттер, – полиция не помогла Заболеву прошлой ночью.

– И, вполне возможно, – спокойно ответил его собеседник, – они будут столь же бесполезны в вашем случае. Откровенно говоря, мистер Лэттер, ваше будущее мне совершенно безразлично. Вы послужили нашей цели, и теперь важнее, что вы оказались костью, из-за которой будут драться собаки. До вчерашнего вечера собаки не встречались – официально; на встрече прошлой ночью полицейская собака, если я не сильно ошибаюсь, была застигнута врасплох. МакАйвер не допустит, чтобы это случилось дважды. В вашем случае он будет готов. Если повезет, эта проклятая Черная банда, которая доставляет мне бесконечно больше неприятностей, чем когда-либо могла или сможет доставить полиция, будет сильно укушена.

Мистер Лэттер тяжело дышал.

– Но что вы хотите, чтобы я сделал, граф?

– Абсолютно ничего, кроме того, что вы собирались делать, – ответил тот и взглянул на блокнот на своем столе. – Я вижу, вы собирались к леди Мэнтон близ Шеффилда. Не меняйте своих планов – поезжайте. По всей вероятности, это произойдет в ее доме. – Он презрительно взглянул на слегка позеленевшее лицо собеседника, и его манеры резко изменились.

– Вы понимаете, мистер Лэттер, – его голос был убийственно ровным и тихим, – вы понимаете, не так ли, что я говорю? Вы отправитесь в дом леди Мэнтон, как было условлено, и будете вести себя так, будто не получали никакой записки. Потому что, если вы этого не сделаете, если вы попытаетесь провернуть какие-либо фокусы, что бы Черная Банда ни сделала или не сделала с вами – как бы эффективно полиция ни защищала вас или не защищала вас – вам придется считаться с нами. А вы в курсе, что это значит.

– Предположим, банда схватит меня вопреки действиям полиции, – пробормотал Лэттер пересохшими губами. – Что тогда?

– Я разберусь с ними лично. Они меня раздражают.

Тон графа звучал настолько уверенно, что собеседник быстро взглянул на него.

– Но у вас есть какое-нибудь представление, кто они такие? – нетерпеливо спросил он.

– Нет – в настоящее время. Их лидер умен – но и я тоже. Они намеренно решили бороться со мной, и теперь мое терпение закончилось. Мне меньше хлопот, если полиция схватит их вместо меня; но если нет… – Граф пожал плечами, жестом руки отмахнулся от этой возможности, затем взял со стола листок бумаги и взглянул на него.

– Теперь я отдам вам распоряжения относительно Шеффилда, – продолжил он. – Мне сообщили, что на заводе сэра Джона Мэнтона есть активный безумец по имени Делморлик. У него хорошая работа, но большую часть свободного времени он проводит, подстрекая безработных – которых, я рад сообщить, в городе очень много – к абсурдным актам насилия. Он очень ценный для нас человек и, похоже, один из тех необыкновенных существ, которые действительно верят в доктрины коммунизма. Говорят, он может довести толпу до полного безумия своим трепом. Вы должны разыскать его и дать ему пятьдесят фунтов, чтобы подогреть его к дальнейшим действиям. Скажите ему, конечно, что деньги от Великого Мастера в России, и подтолкните его к возобновлению деятельности.

Вы также наймете его и двух или трех других, которых выберет он сам, для осуществления небольшого плана, полную информацию о котором вы найдете в этом письме. – Он протянул Лэттеру конверт, тот взял его дрожащей рукой. – Вы лично примете меры по поводу необходимых взрывчатых веществ. Я подсчитал, что в случае успеха это должно лишить работы

по меньшей мере еще три тысячи человек. Более того, мистер Лэттер, в случае успеха ваш гонорар составит тысячу фунтов.

– Тысяча! – пробормотал Лэттер. – Велика ли опасность?

Граф презрительно улыбнулся.

– Нет, если будете делать свою работу должным образом. Эй! В чем дело?

Маленький электрический звонок у его локтя издал четыре пронзительных сигнала, повторившихся снова и снова.

Граф встал и с систематической тщательностью смел каждый листок бумаги со стола в свой карман. Затем закрыл крышку стола и запер ее, в то время как внутри продолжал звенеть немного приглушенный звонок.

– Что этот дурак делает? – сердито воскликнул он, подходя к большому сейфу, встроенному в стену. Лэттер с белым и испуганным лицом последовал за ним. Звонок резко оборвался.

Граф очень осторожно нажал на две потайные кнопки, утопленные в стене так, чтобы быть невидимыми для постороннего, и дверца сейфа распахнулась. Стало ясно, что сейф – это не сейф, а вторая дверь, выходящая на лестничный пролет. Минуту или две граф стоял неподвижно, внимательно прислушиваясь, пока Лэттер ерзал рядом с ним. Одна рука лежала на главном выключателе, управлявшем всем освещением, другая – на ручке внутри второго прохода, которая при повороте бесшумно закрывала за ними огромную стальную дверь.

Он сердито хмурился, но постепенно нахмуренность сменилась выражением озадаченного удивления. Четыре звонка из конторы внизу были признанным сигналом срочной опасности, и у каждого был план действий, составленный специально для такой чрезвычайной ситуации. В других комнатах все в малейшей степени компрометирующие книги и бумаги сбрасывались вперемешку в специально устроенные под каждым столом потайные ниши в полу. На их месте появлялись книги, тщательно и очень искусно подделанные, якобы служащие для записи деловых операций мистера Уильяма Эткинсона. И если бы кто-то выразил удивление по поводу масштабов бизнеса мистера Эткинсона, учитывая захудалую контору внизу и тип его клиентуры, вскоре стало бы ясно, что Хокстон является лишь одним из нескольких утюгов, которые этот разносторонний джентльмен держал на огне[8]. В безупречных бухгалтерских книгах имелись неоспоримые доказательства того, что мистер Эткинсон организовал аналогичные предприятия в нескольких крупных городах Англии и Шотландии, не говоря уже о солидном филиале в Уэст энде под названием «Братья Люэр». И, несомненно, у него было полное право, если бы он того пожелал, основать свой центральный офис в Хокстоне… Или в Тимбукту… Какое, черт возьми, это имело значение для кого-то, кроме него самого?

В большой комнате в конце коридора процедура была еще проще. Граф просто проходил через сейфовую дверь и исчезал по своему личному пути отступления, выключив везде свет. И если неудобные посетители будут задавать неудобные вопросы – что ж, это личный кабинет мистера Эткинсона, к тому же очень хороший кабинет, хотя в данный момент хозяин в отъезде. Таким образом, процедура – простая и разумная; но в этом случае что-то, казалось, пошло не так. Вместо трудолюбивого молчания клерков, сверхурочно работающих над делами большой финансовой важности в Эдинбурге и Мэнчестере, в коридоре слышался гул голосов. А потом раздался взволнованный стук в дверь.

– Кто там? – резко крикнул граф. Следует отметить, что даже самые влиятельные члены его штата знали, что не стоит входить в комнату, не получив разрешение.

– Это я, сэр – Коэн, – раздался взволнованный голос снаружи.

На мгновение граф замер, затем, повернув ручку, бесшумно закрыл дверцу сейфа. Властным движением руки он махнул Лэттеру в сторону стула и занял свое прежнее место за письменным столом.

---

[8] «Утюги на огне» – идиома, означающая активные дела, требующие внимания.

– Войдите, – рявкнул он.

В ответ на распоряжение в комнате появился странный и нездоровый субъект, при виде которого граф откинулся на спинку стула.

– Что, черт возьми, вы делали?

Пара насыщенного цвета иссиня-черных глаз и нос, из которого все еще сочилась кровь, не улучшали общий вид конторского клерка. В одной руке он держал пару ботинок с гвоздями, в другой – лист бумаги и попеременно размахивал ими, в то время как поток бессвязного безумия срывался с его губ.

Минуту или две граф слушал, пока удивление в его взгляде не сменилось выражением мрачного гнева.

– Должен ли я понимать, жалкий маленький червяк, – прорычал он, – что вы подали сигнал срочной опасности не один раз, а полдюжины раз только потому, что некто ударил вас по носу?

– Но он оглушил меня, сэр, – дрожащим голосом произнес тот. – И когда я пришел в себя и увидел, что ботинки лежат рядом со мной, а касса открыта, я потерял голову. Я не знал, что случилось, сэр, и подумал, что лучше позвонить в звонок – на случай неприятностей.

Он отступил на шаг или два к двери, до смерти напуганный выражением дьявольской ярости в глазах горбуна. Трое или четверо клерков, украдкой подглядывавших в открытую дверь, быстро растаяли, в то время как мистер Лэттер со своего стула зачарованно наблюдал за происходящим. Это напомнило ему птицу и змею, и внезапно он слегка вздрогнул, осознав, что его собственное положение на самом деле было почти таким же, как у несчастного Коэна.

И затем, как раз в тот момент, когда напряжение стало невыносимым, их прервали. Снаружи, в проходе, ясно и отчетливо послышалось двойное уханье совы. Для мистера Лэттера это ничего не значило; для испуганного маленького еврея это ничего не значило; но на графа эффект был электрическим. С быстротой, невероятной для изуродованного человека, он оказался у двери и выскочил в коридор, отшвырнув Коэна со своего пути в угол. Его мощные кулаки были сжаты по бокам: вены на шее вздулись подобно плетям. Но, к удивлению мистера Лэттера, он не сделал никакого движения, так что, поднявшись со стула, член парламента тоже выглянул из-за двери в коридор, но через секунду или две отшатнулся с чувством болезненного страха в душе и с внезапной сухостью в горле. На расстоянии двадцати ярдов, в обрамлении дверного проема на верхней площадке лестницы, спускающейся вниз в контору, он увидел огромную неподвижную фигуру. Он смотрел на нее, а она, казалось, смотрела на него. Затем дверь закрылась, и ключ повернулся изнутри. Фигура была с головы до ног закутана в черное…

Глава 5, в которой Чарлз Лэттер, член парламента, сходит с ума

Драммонд прибыл в Дрейтон хаус как раз в тот момент, когда гости рассаживались в холле к чаю. Пока лакей помогал ему снять пальто, быстрый осмотр гостей убедил его в том, что, за исключением Лэттера, он не знал ни души; второй взгляд показал, что он мог отнестись к этому совершенно спокойно – за столом сидела группа солидных и скучных людей. Он обратил свое внимание на хозяйку.

– Где леди Мэнтон? – спросил он лакея.

– Разливает чай, сэр, – удивленно ответил мужчина.

– Великий Скотт! – в ужасе воскликнул Драммонд. – Я приехал не в тот дом.

– Ошиблись домом, сэр? – переспросил лакей, и звук их голосов заставил леди Мэнтон поднять глаза.

В одно мгновение эта проницательная женщина поняла, что произошло. Автор странного письма, полученного во время обеда, прибыл и осознал свою ошибку. Более того, наступил момент, которого она ждала с тех пор, и, о двойная удача, это произошло, когда собрались все гости и все могли услышать каждое слово ее разговора с Драммондом. С подобающей благодарностью она оценила столь редкую возможность.

С очаровательной улыбкой она направилась к нему.

– Мистер Драммонд?

– Да, – пробормотал он, стоя в нерешительности у двери и озадаченно хмурясь. – Но… но я, кажется, совершил нелепую ошибку.

Она засмеялась и потянула его в холл.

– Совершенно естественную, уверяю вас, – ответила она, говоря так, чтобы гости могли слышать. – Должно быть, в Уилтшир Тауэрс вы познакомились с моей невесткой. Мой муж в то время был не очень здоров, и мне пришлось отказаться от приглашения герцогини. – Говоря это, она протягивала ему чашку чая. – Но, конечно, я хорошо знаю вашего двоюродного брата, лорда Стейвли. Значит, мы все-таки знакомы друг с другом, не так ли?

– С вашей стороны мило так выразиться, леди Мэнтон, – ответил Драммонд со своей заразительной улыбкой. – В то же время я чувствую себя немного незваным гостем – а то! Что-то вроде случая, когда дураки ковыляют туда, куда ангелы боятся ступить[9].

– Несколько неудачная цитата, – осуждающе заметил елейный мужчина с бакенбардами.

– Вас тоже зацепило, да, старая пташка? – прогремел Хью, ставя на стол свою пустую чашку.

– Я намекал на вторую часть цитаты[10], – едко ответил тот, но вмешалась леди Мэнтон.

– Конечно, мистер Драммонд, мы с мужем настаиваем на том, чтобы вы оставались с нами до тех пор, пока не завершите свои дела в Шеффилде.

– Чрезвычайно любезно с вашей стороны, леди Мэнтон, – ответил Хью.

– Как вы думаете, много времени займут ваши дела?

– Три или четыре дня. Может быть, чуть больше.– Говоря это, он довольно небрежно взглянул на Лэттера. В течение нескольких минут этот достойный столп парламента смотрел на него, озадаченно нахмурившись; теперь, узнав визитера, он слегка вздрогнул. Это был тот огромный человек, который накануне днем храпел в кабинете сэра Брайана Джонстона.

---

[9] Драммонд неточно цитирует очень известное выражение из стихотворения знаменитого поэта Александра Поупа (1688 – 1744) «Fools rush in where angels fear to tread».

[10] Гость имеет в виду, что ангелы не «побоялись ступить», т.е. все приличные люди собрались, а теперь являются нежеланные «дураки».

Очевидно, он связан с полицией, подумал мистер Лэттер, и, окинув взглядом огромные размеры Драммонда, почувствовал себя гораздо увереннее. Приятно осознавать, что в случае драки в комнате присутствует такой человек: он мысленно поздравил сэра Брайана с удачным выбором. Незнакомец выглядел достаточно крупным, чтобы справиться даже с чудовищным черным призраком, мысль о котором до сих пор вызывала дрожь в его позвоночнике.

Драммонд продолжал смотреть на него, но в его глазах не было и следа узнавания. Очевидно, они должны были встретиться в гостях как незнакомые люди; тоже правильно, некоторые из гостей сами могли быть членами этой мерзкой банды.

– Это зависит от обстоятельств, не зависящих от меня, – говорил Драммонд. – Но если вы сможете потерпеть меня несколько дней…

– Сколько вам угодно, мистер Драммонд, – ответила леди Мэнтон. – А теперь позвольте мне представить вас моим гостям.

* * * * *

Только перед самым обедом мистеру Лэттеру представилась возможность поговорить с Драммондом наедине. Они встретились в холле, и какое-то мгновение в пределах слышимости никого не было.

– Вчера я видел вас в кабинете сэра Брайана Джонстона, – хрипло сказал член парламента. – Вы связаны с полицией?

– Интимно, – ответил Хью. – Даже сейчас, мистер Лэттер, вы полностью окружены преданными людьми, которые наблюдают за вами и охраняют вас.

Довольная улыбка расплылась по лицу собеседника, хотя лицо Драммонда оставалось абсолютно бесстрастным.

– А как вы сюда попали, мистер Драммонд?

– На машине, – серьезно ответил Хью.

– Я имею в виду на прием, – чопорно пояснил мистер Лэттер.

– А! – Хью напустил загадочный вид. – Это касается только нас с вами, мистер Лэттер.

– Вполне, вполне. Я – само благоразумие.

– Еще два часа назад я полагал, что я – самый большой лжец в мире, но теперь знаю, что это не так. Наша хозяйка побила меня по всем статьям.

– О чем, черт возьми, вы говорите? – изумленно воскликнул Лэттер.

– Есть колеса внутри колес[11], мистер Лэттер, – продолжал Хью с еще более таинственным видом. – Нас окружает сеть интриг. Но не бойтесь. Мне приказано никуда не отходить от вас.

– Боже милостивый, мистер Драммонд, вы хотите сказать…?

– Я ничего не хотел сказать. Намекну только одно. – Он положил внушительную ладонь на руку Лэттера. – Будьте очень осторожны, разговаривая с тем человеком с бакенбардами и лицом, как у овцы.

И пораженный член парламента, подозрительно уставившись на достойного шеффилдского магната и столпа нонконформистской церкви, который только что спустился по лестнице со своей хозяйкой, не успел заметить внезапную странную дрожь в плечах отвернувшегося Драммонда.

* * * * *

Мистер Чарлз Лэттер даже в лучшие времена не являлся приятным образчиком человечества, а в тот вечер он еще и не был в наилучшей форме. Он был напуган до глубины своей гнилой душонки, а когда прирожденный трус напуган, результат не из приятных. Его усилия поддерживать разговор за ужином пристыдили бы десятилетнего мальчика, и хотя он сделал одну или две слабых попытки взять себя в руки, это не принесло пользы. Как он ни старался,

[11] Английская идиома, означающая «всё очень сложно, есть скрытые факторы».

мысли продолжали вертеться вокруг его собственного положения. Снова и снова Лэттер взвешивал все обстоятельства дела, пока у него не закружилась голова. Он попытался составить мысленный баланс, где активы были представлены его собственной личной безопасностью, но мешал один неизвестный фактор, от которого многое зависело, – реальные возможности этой таинственной банды.

Еще в поезде по дороге сюда он решил максимально сократить свой визит. Он выполнит то, что ему велено сделать, а затем, положив в карман свою тысячу, покинет страну на несколько месяцев. К тому времени полиция наверняка уладит все дела. И ему очень повезло. Оказалось несложно найти этого человека, Делморлика, и как только он был найден, другое, более серьезное дело тоже оказалось легким. Делморлик все организовал и привел с собой еще троих мужчин на встречу с ним в отдельной комнате одной из небольших гостиниц.

Как и во всех схемах графа, каждая деталь была безупречно продумана, и раз или два его чтение прерывали восклицания изумления. Все возможные варианты развития событий были предусмотрены, и к тому времени, когда он закончил читать, глаза Делморлика горели энтузиазмом фанатика, а копна растрепанных волос казалась еще растрепаннее.

– Великолепно, – воскликнул он, вставая и подходя к окну. – Еще один гвоздь в крышку гроба Капитала. И, клянусь небом, очень большой!

Он с мрачным видом разглядывал улицу внизу. Рядом с ним стоял один из его людей. Через некоторое время Лэттер присоединился к ним и тоже бросил взгляд вниз, на улицу, где маленькие группки людей бездельничали у дверей домов, засунув руки в карманы, с апатией отчаяния на лицах. Среди них тут и там виднелись несколько женщин, но не слышалось ни смеха, ни шуток – только угрюмость утраченной надежды. Надежда на работу и изобилие умерла; им нечего было делать – они были всего лишь единицами огромной армии безработных. Иногда некий человек, лучше одетый и более состоятельный, чем остальные, отделялся от одной группы и переходил в другую, где долго и серьезно говорил с людьми. И его слушатели энергично кивали головами или смущенно смеялись, когда он проходил мимо.

Несколько мгновений Делморлик молча наблюдал за происходящим. Затем с серьезностью в голосе обратился к Лэттеру.

– Мы победим, мистер Лэттер, говорю вам. Это, – он указал тонким пальцем на мужчину на улице, – происходит по всей Англии, Шотландии и Ирландии. А дураки в Лондоне болтают об экономических законах и инфляции. Какое значение имеют абстрактные материи для этих людей? Они хотят еды.

Политик взглянул на Делморлика и обнаружил, что второй мужчина уперся в него серьезным взглядом. Сперва он едва обратил на это внимание – ему слишком не терпелось уйти; теперь, сидя за обедом, он, как ни странно, обнаружил, что именно лицо того человека, казалось, произвело на него наибольшее впечатление. Недавно прибывший в город, так представил его Делморлик, но горячий сторонник свободы и анархии.

Он отпустил какое-то неопределенное замечание своему соседу и снова погрузился в угрюмое молчание. Пока все идет хорошо: дело сделано, он может уехать хоть завтра. И уехал бы в тот же день, если бы не отправил свой багаж в Дрейтон хаус, так что это выглядело бы странно. Но он уже договорился, чтобы на следующее утро ему послали телеграмму из Лондона, ну а ночь… Ну, тут Драммонд и полиция. Определенно, по очкам он оказался в выигрышной позиции – довольно удобной позиции. Если бы не этот неизвестный фактор… И все же Драммонд рядом; единственная проблема заключалась в том, что он никак не мог толком разобраться, что это за человек. Что, черт возьми, он имел в виду своими странными словами перед обедом? Он взглянул на него через стол: тот ел соленый миндаль и заигрывал с хозяйкой.

«Дурак, – размышлял мистер Лэттер, – но дурак сильный. Если будет необходимо, он проглотит все, что я ему скажу.»

И вот, к концу ужина, возможно, благодаря превосходному марочному портвейну хозяина, мистер Чарлз Лэттер более или менее утихомирил свои страхи. Конечно, в доме он в безопасности, и ничто не заставило бы его выйти наружу до отправления на станцию на следующее утро. Ни одна мысль об отвратительном преступлении, которое он планировал сегодня днем, не нарушала его невозмутимости; как уже было сказано, он не был приятным образчиком человечества.

Чарлз Лэттер был скорее ненравственным, чем безнравственным: прирожденный трус с сильным пристрастием к заспинным интригам, он отличался законченным и полным эгоизмом. Честолюбивый, жаждущий власти, хоть и способный во многих отношениях, все же ему не хватало существенного фактора – способности работать для достижения целей. Он ненавидел работу и хотел легких результатов. А добиться стойких результатов непросто, как постепенно обнаружил мистер Лэттер. Способность произносить яркие речи, прикрытые налетом интеллекта, является несомненным достоинством, но это достоинство, ценность которого тщательно оценивается значимыми людьми. Прошло время, и наступил эпохальный день, когда значимость факта, что он снова избран в Парламент, канула в прошлое, и мистер Лэттер осознал себя тем, кем был, – ничтожеством. Осознание этого было как желчь и полынь в душе. Подобное осознание приходит ко многим мужчинам и ведет их разными путями. Некоторые смиряются, некоторые предпринимают новые и более тщетные усилия; некоторые видят в этом смешную сторону, а некоторые – нет. Мистер Лэттер стал злобным. А злобный трус – это мерзко.

Как раз в то время он познакомился с графом Задовой. Это произошло за ужином в доме друга; после того, как дамы ушли, он обнаружил, что сидит рядом с горбуном со странным, пронзительным взглядом. Он не сознавал, что сказал очень много, и был бы поражен, если бы ему сказали, что в течение десяти минут этот очаровательный иностранец прочитал его неприятный маленький ум, как книгу, и пришел к определенному и вполне конкретному решению. На самом деле, оглядываясь назад на последние несколько месяцев, мистер Лэттер пребывал в недоумении относительно того, как все дошло до нынешнего состояния. Если бы, когда он баллотировался в парламент, выставляя напоказ все старые избитые формулы, ему сказали, что в течение двух лет он будет тайно заниматься бурной коммунистической деятельностью, он бы презрительно рассмеялся. Анархия, тоже: неприятное слово, но единственное, которое подходило к взрыву бомбы в Мэнчестере, который он сам организовал. Иногда по ночам он просыпался и лежал, обливаясь потом, вспоминая этот эпизод…

И постепенно становилось все хуже и хуже. Мало-помалу очаровательный граф Задова, поняв, что мистер Лэттер обладает способностями, которые можно использовать с выгодой, перестал быть очаровательным. В том, чтобы иметь члена парламента в качестве главного сотрудника по связям, было много преимуществ.

Первая небольшая ошибка произошла, когда он подписал квитанцию за деньги, выплаченные ему за выступление на революционном митинге в Южном Уэльсе во время забастовки угольщиков. И в квитанции указывалась оказанная услуга. Неприятный документ, учитывая тот факт, что его главными сторонниками в его избирательном округе были владельцы угля. После этого спуск был быстрым. Не то чтобы даже сейчас мистер Лэттер испытывал какие-то угрызения совести: все, что он испытывал, – периодические приступы страха, что его могут разоблачить. Он бегал с зайцем и охотился с собаками[12] с удвоенной силой, и от этого временами его трусливая маленькая душа заболевала. А потом, как страшный гром среди ясного неба, пришло письмо с предупреждением от Черной банды.

В любом случае, размышлял он, ложась в постель той ночью и выключая свет, полиция ничего не знает о его двойной жизни. Они окружили его со всех сторон, а в доме этот глу-

[12] Английская идиома, означающая «двурушничать, играть за обе стороны».

пый увалень… На мгновение его сердце перестало биться: это воображение разыгралось или в ногах кровати стоит мужская фигура?

По лбу заструился пот; он попытался заговорить, затем сел в постели, трясущимися руками теребя воротник пижамы. Фигура по-прежнему стояла неподвижно; теперь он мог поклясться, что там кто-то есть – на фоне тусклого света окна виднелись очертания фигуры. Он со страхом потянулся к выключателю, немного повозился, и со щелчком зажегся свет. Внезапный крик страха замер, наполовину сдавленный в горле; вместо ужаса его охватил яростный гнев. Оперевшись об изножье кровати и разглядывая его с заботливым интересом, перед ним в вялой позе стоял Хью Драммонд.

– Все заправлено и удобно, старая фасолина, – весело воскликнул Драммонд. – Постельные носки охватывают ноги, и все такое прочее?

– Как вы смеете, – пролепетал Лэттер, – как вы смеете вот так входить в мою комнату…

– Тише, тише, – пробормотал Драммонд, – не забывайте мои приказы, старина Лэттер, парниша. Присматривать за вами, как напевающая колыбельные мать напевает над последней партией близнецов. Кстати, парниша, вы сегодня довольно сильно поскупились для своих зубов. Завтра вам придется постараться получше. Большинство ваших коренных зубов, должно быть, сидят и выпрашивают Колинос[13]

[13] Популярная в то время линейка продуктов по уходу за полостью рта, запущенная в 1908 году. Драммонд намекает на запах изо рта Лэттера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.